151 02/302

151 302

М. ВОЛОШИН

14в
309

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ПОДРОСТКА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

151/02/502

И. ВОЛОШИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ПОДРОСТКА

Второе исправленное издание

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

1302/3

Отпечатано в тип. изд.
„Молодая Гвардия“
В. О., 5 линия, 28, в количестве 10.000 экземпл.
Ленинградский Гублит
№ 562.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 33820
4-III-1925.
БИБЛИОТЕКА.

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, всем, читающим эти строки, приходилось слышать или читать, что изобретение машин и начало их применения вызвало широкий прилив детского труда на предприятия. Было бы далеко неверно, если бы это замечание поняли в том смысле, что до того времени детский труд не имел места в хозяйственной жизни народов Это, понятно, не так. Не только за много столетий до возникновения капитализма, до применения первой машины, но и за много тысячелетий до того детский и подростковый труд применялся далеко не в виде исключения. Детский труд существует столько же, сколько существует трудовая деятельность людей вообще, то-есть с момента возникновения человечества.

Уже в те далекие от нас времена, когда источником существования человека служило то, что природа преподносила ему в готовом виде, дети, сколько-нибудь физически окрепшие, вместе со всеми остальными принимают участие в собирании плодов, кореньев, трав, молодых побегов и почек, мелких животных, ракушек, червяков и пр. Точно так же и значительно позже, с изобретением земледелия, мы встречаемся с регулярным участием детей в хозяйственной жизни. Во многих племенах земледельческие работы производились тремя рядами. Впереди идут мужчины, проводящие киркой или суковатой дубиной борозду, за ними идут женщины, разрыхляющие почву, третью очередь образуют дети, бросающие зерно в землю.

Так было на всех ступенях хозяйственной жизни людей. В коллективной охоте, в приручении животных, в пастушестве—дети принимают активное участие. Точно так же, как ошибаются те, которые выставляют прошлые времена тяжелой борьбы человечества с природой, как „золотой век человечества“, точно так же были бы неправы и те, которые в прошлом искали бы золотой век юношества.

Праздность, безделье, беспечное времяпрепровождение со стороны подрастающего поколения—все это в широком масштабе рождено значительно позже. Точно так же, как все человечество резко делится на эксплоататоров и эксплоатируемых, так же резко отличается жизнь и работа подрастающего поколения, выходящего из рядов тех или других. Однако для нашей задачи достаточны те общие замечания, которые мы сделали выше. Наша цель—проследить условия применения наемного детского труда.

С течением времени, под влиянием развития техники, делается более выгодным разделение труда, т. е. такое положение вещей, когда вместо того, чтобы каждое хозяйство производило все, что ему необходимо, и потребляло бы то, что оно производит, хозяйство приспособляется к одному какому-нибудь роду занятий: один — к скотоводству, другой—к земледелию, третий—к рыболовству, кузнечному ремеслу, чтобы затем, обменявшись излишками, удовлетворить свои разносторонние нужды. Вполне понятно, что при системе разделения труда последний становится более производительным, т. е. в течение одного и того же времени трудовая деятельность людей дает большие результаты. Все большее развитие обмена, выходящее далеко за пределы общины, развитие техники, улучшение орудий производства, повышение квалификации самих ремесленников приводят к тому, что труд обрабатывающий начинает отделяться от труда земледельческого, что становится причиной все большего развития ремесла.

С этого периода ведет свое начало развитие товарного производства, т. е. такого производства, когда вместо продуктов, предназначенных для личного потребления, начинают производиться товары, т. е. продукты, предназначенные для обмена. Одновременно в ремесле нарастают такие силы, в которых мы можем разглядеть зародыш будущих капиталистических отношений. Детский труд впервые становится дешевым, наемным трудом.

Детский труд имеет не только настоящее, не только будущее, он имеет богатое прошлое. В него мы должны заглянуть, хотя бы затем, чтобы понять ту грандиозную работу, важность которой мы сами порой склонны не замечать. Заглянуть в прошлое детского наемного труда—основная задача нашей брошюры.

Преследуя эту основную задачу, мы умышленно чрезвычайно мало внимания уделяем положению рабочей молодежи в СССР.

I

ДЕТСКИЙ ТРУД В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛА

Ремесленное ученичество.

Возникновение цехов.

Одновременно с развитием в городах ремесла начинают возникать союзы, об'единяющие ремесленников-мастеров, так называемые цехи.

В разных странах цехи возникают в разное время: в Италии—в X—XI в., во Франции—в XI—XII, в Англии—в XII—XIII, в Германии—в XII—XIV веках.

Что представляли из себя цехи и какие задачи они преследовали?

Каждый цех об'единял мастеров каждой особой профессии данного города. Цехи определяли размеры производства, организовывали совместные закупки сырья, отстаивали интересы своего цеха перед всеми существовавшими тогда городскими и общественными организациями, оказывали помощь своим членам на случай болезни, помогали обедневшим, давали приданое дочерям последних, принимали участие в погребении своих чле-

нов, совместно отправляли религиозные обряды и т. д. Одновременно цехи, имея в своих руках исключительное право производства предметов данного рода, следили за доброкачественностью изделий, за выполнением членами цехов взятых на себя обязательств.

Вступление в цех.

С самого начала возникновения цехов не было особых ограничений к тому, чтобы стать равноправным мастером и равноправным членом цеха. От вступающего требовали знания ремесла. Уставы того времени не требовали от желающего вступить в цех обязательного прохождения ученичества. Понятно, ученичество существовало—без обучения никто ознакомиться с ремеслом не мог, но в уставах этот вопрос как бы обходился, и обучение проходило на основе добровольного соглашения мастера и ученика. С течением времени, с XIV века, когда число ремесленников начинает увеличиваться в такой степени, что дальнейшее стихийное увеличение их начинает грозить благосостоянию всех ремесленников, цехи приступают к ограничению доступа в цех и регулированию ученичества.

Для того, чтобы яснее понять сущность ученичества того времени, нужно предварительно ознакомиться с теми требованиями, которые пред'являются всякому желающему получить звание мастера. Первое требование—обязательное прохождение ученичества. Сроки ученичества в разных странах и для различных цехов были неодинаковы. Во Франции самый длинный срок — 12 лет, наиболее короткий—2 года, наиболее распространен-

ный—6 лет; в Англии обычный срок—7 лет; в Германии от 1—8 лет, наиболее распространенный 3—4 года. Зато в Германии надо было определенное количество лет отбыть подмастерьем, во Франции (в XIII в.) и в Англии последнее не было обязательным. В Германии к требованию определенного стажа ученика и подмастерья со второй половины XIV века прибавляется еще требование—определенное количество лет странствовать по разным городам. Вернувшись, подмастерье должен некоторое время прожить в том городе, где он хотел бы поселиться. В XIV веке в Германии это требование становится распространенным. Наконец, кандидат в мастера должен был представить пробную работу, и только тогда, когда она окажется удовлетворительной, цех принимал его в свои члены. Сыновья мастеров при желании вступить в цех, стать равноправным мастером, освобождались от прохождения ученичества или же им сокращался срок; точно так же в этот период сыновья мастеров освобождались от прохождения подмастерства и от представления пробных работ. Желающий стать мастером должен был обладать еще некоторой имущественной состоятельностью. Раньше всего при вступлении в цех надо было внести вступительный взнос, устроить угощение сочленам по цеху; а во Франции, помимо взноса (в XIII в.), надо было купить звание мастера у короля или у лиц, которым король это право передал. Так как ученик и подмастерье жили в доме мастера, ели, пили у него, то вполне понятно и требование многих цехов о том, чтобы мастер был женатым.

Что представляло собою ученичество? Ученичество являлось не столько средством обучения ремеслу, сколько

обязательной ступенью для получения звания мастера. Это значит, что недостаточно было знать ремесло, надо было пройти положенное число лет ученичества и подмастерства во что бы то ни стало, и только тогда можно было добиться звания мастера. В ученики, в противоположность тому, что мы встречаем впоследствии, за малым исключением, принимаются лица мужского и женского пола. Те цехи в Германии, которые отказывают в приеме девушек в ученики, обосновывают это следующими соображениями. Девушка предназначена для выхода замуж и не может знать, за кого она выйдет; обученная же портниха не принесет своими знаниями пользы мужу-кузнецу. Затем, по отбытии срока ученичества и подмастерства, надо было определенное время странствовать, а для девушек это занятие неподходящее. Точно так же, по мнению этих цехов, женщины не пригодны для отправления общественных обязанностей, как, например, сторожевая служба—обязанность, связанная со званием мастера. В действительности же во многих цехах женщины прекрасно справлялись с несением этой службы. Однако, не следует забывать, что с ограничениями для вступления женщин в ученики и цеха мы встречаемся, как с исключениями.

Законное происхождение.

В Германии большое внимание обращалось на законное происхождение желающего вступить в ученики. В других странах (Англии, Франции, Бельгии, Италии) в этот период мы не встречаемся с такими требованиями. Закрывая доступ незаконнорожденным, цехи создали

еще одну перегородку, мешавшую наплыву чрезмерного числа учеников. Мало-по-малу к этим требованиям в некоторых цехах Германии (сапожники в Фрейенвальде, у скорняков в Нейрупинне, в Дрездене и др. местах) прибавляется требование законного происхождения родителей, прародителей и т. д., но последнее требование, хотя и является довольно распространенным, все же не было в Германии всеобщим.

Свободное происхождение.

В Италии, Англии, Германии от ученика требовали еще свободного происхождения. В первое время существования цехов это требование отсутствовало, так как городские ремесленники представляли собою вчера еще несвободных крестьян. Наоборот, вначале цехи вели упорную борьбу за то, что пребывание в городе год и один день делает любого человека независимым от всяких обязательств, а крупные помещики, феодалы, понятно, с этим не хотели считаться, и долгое время вопрос этот служил предметом ожесточенной и упорной борьбы.

В связи с количественным ростом ремесленников цехи несколько ослабили эту борьбу и, под давлением феодалов, а главным образом из соображений ограничения доступа в цех, ввели требование свободного происхождения.

Вопрос об ограничении доступа в цех учеников, не принадлежащих к господствующей национальности, не вставал во Франции и Англии, где население в большей степени однородно. Только на севере Германии и на

Востоке цехи запрещали принимать в ученики, первые — венгров, вторые — славян. Евреям тогда почти всюду был закрыт доступ в ученики и в цехи.

Вышеизложенным далеко не ограничиваются те условия, которые пред'являлись к ученику.

Честное происхождение.

Далеко не последнее место занимало требование честного происхождения. В ученики не допускались убийцы, воры, клятвопреступники, уличенные в прелюбодеянии и пр. Точно так же не принимались и дети тех родителей, которые были уличены в перечисленных преступлениях.

Но цехи имели свое представление о чести и бесчестии, притом очень часто то занятие, то деяние, которые один цех признает бесчестным, другой, наоборот, признает вполне допустимым.

Многие цехи признают бесчестными и позорными занятия: банщиков, ткачей полотна, пастухов, живодеров, имевших дело с падалью, носильщиков, мельников, ночных сторожей, цырюльников, кожевников, цыган, скоморохов, бродяг, музыкантов. Понятно, что цехи банщиков, мельников, ткачей льна далеко не считали занятия своих членов позорными и бесчестными и, в свою очередь, имели свое представление, свой список «позорных» цехов и занятий. Напр., кожевники в Бремене в 1300 г. не принимают в обучение детей ткачей и носильщиков; золотых дел мастера (в Познани) не принимали цырюльников, мельников, кожевников, пастухов, ткачей льняных изделий, пастухов и др.; башмачники

(в г. Бремене) не допускают банщиков, пастухов и др. Особое презрение к занятиям цырюльников и живодеров об'ясняется тем, что первые занимались хирургическими операциями, пускали кровь, следовательно, имели дело с пролитием крови; вторые имели дело с падалью. Профессии этих последних считались такими же позорными, как и профессии палача и могильщика.

Этот список разростался по мере того, как цехи начали увеличиваться, по мере развития конкуренции и ухудшения экономического положения мастеров.

Другие ограничения.

В некоторых городах Германии цехи требовали от ученика, чтобы он был сыном гражданина данного города. Как и все ограничения, и это вызвано желанием сохранить за определенным числом людей, составляющих цех, монополию, исключительное право заниматься данным ремеслом. Ограничения в смысле требования быть сыном гражданина данного города вводились теми цехами, в которых замечался особенно широкий наплыв учеников.

Уже в период расцвета цехов мы встречаемся с попыткой сделать занятие данным ремеслом наследственным, ограничить доступ в цехи исключительно членами семьи ремесленников, входящих в цех.

Хотя это частично и проводилось в ряде городов Германии уже в середине XIV века, но только с XVI века это требование становится распространенным.

Возраст.

До XVI века возрастные ограничения совершенно отсутствовали. В Англии устанавливалось только, что ученик, окончивший ученичество, должен быть не моложе 24 лет, и так как обучение длилось 7—10 л., то отсюда можно сделать соответствующий вывод о начальном возрасте обучения. В Германии, хотя мы и встречаем учеников в очень раннем возрасте, но средний возраст надо считать в 12 лет. Несколько меньше возраст вступающих в ученики во Франции.

Договоры.

Долгое время, как мы указывали выше, отношения между учеником и мастером регулировались добровольным соглашением. Договор обыкновенно заключался устно, и только с того момента, когда цехи начинают энергично регулировать ученичество, договоры заключаются письменно.

Вот два договора: один заключен в 1371 г. в Париже, второй—в 1380 г., наглядно знакомящие нас с их содержанием.

«Жан Пи и Белон, его супруга, взяли сегодня названных детей сроком на 9 лет, с обязательством хорошо и исправно кормить их, обувать, одевать, снабжать бельем и всем необходимым, учить мальчика плотничеству, а девочку рукоделию, а за это (следует четыре имени) должны им доставить в ближайшее рождество

каждый по мере пшеницы, а к празднику св. Мартина в ближайшую зиму по одному золотому франку».

«Асторг Юлиан—сын покойного Бертранда Юлиана из Санта Флора в Авернии, заключает с чесальщиком шерсти, мастером Яковом Монтезикуром из Марсели, договор на 3 года, в течение которых он, Асторг Юлиан, обязан честно и верно служить Якову Монтезикуру как в названном мастерстве, так и других дозволенных и согласных с понятиями о чести делах и службах, а мастер Яков Монтезикур, с своей стороны, обязуется учить своего ученика названному ремеслу и воспитывать его нравственно. В течение указанных трех лет он обязан не покидать, не увольнять его, ни здорового, ни больного, заботиться о его пище, одежде и обуви—вообще обходиться с ним так, как подобает и личности ученика Асторга, и чести самого Якова Монтезикура—мастера. Кроме того, мастер Яков обязуется в конце указанных трех лет дать своему ученику—в качестве ли подарка или в качестве простого вознаграждения его трудов и службы—6 флоринов из 12 полновесных слитков золота». Следуют подписи свидетелей и нотариуса.

В то время, как в Германии любой, обладающий званием мастера, имел право набирать учеников, во Франции перед заключением договора цех удостоверялся, насколько данное лицо действительно нравственно устойчиво, владеет достаточным капиталом, имеет достаточно инструментов, в прошлом хорошо обучал учеников, материально обеспечен. Если от мастера сбежал ученик до срока, то в этом цехи винили прямо или косвенно мастера и лишали его на определенное время права иметь учеников.

Но и в Германии, точно так же и в других странах, расторгнуть договор до срока сопряжено было с большими трудностями и неудобствами как для ученика, так и для мастера.

Пробный срок.

Очень скоро вводится так называемый «пробный срок» или «пробная работа».

В течение указанного срока обе договаривающиеся стороны—мастер и ученик—должны друг к другу присматриваться. Первый—насколько ученик способен, проявляет интерес к данному ремеслу, исполнителен, окажется уживчивым в его семье; второй ближе знакомится с условиями работы, с характером мастера, его нравами, знакомится с семьей, сам для себя выясняя, насколько он действительно приспособлен к основному ремеслу.

Для того, чтобы пробный срок не очень уж затягивался и таким образом фактически срок ученичества не удлинялся, и для того, чтобы цехи действительно могли регулировать ученичество, ими обращается самое строгое внимание на то, чтобы пробный срок не был больше установленного; для этого, как только малолетний или подросток принят, мастер сейчас же должен об этом сообщить в цех.

Акт принятия.

По истечении пробного срока следовал торжественный акт принятия в число учеников на общем собрании цеха или перед старейшинами цеха. Иногда это торже-

ство происходило в присутствии представителя городского совета. На собрании присутствовали обыкновенно мастер, принимающий ученика, ученик и его родители или его опекуны; во многих цехах родителям, если они не принадлежали к цеху, не разрешалось присутствовать, и тогда ученик должен был представить двух мастеров цеха, которые ручались бы за законное и честное происхождение ученика, за его поведение и пр.

На торжественном собрании ученик должен был представить акт о рождении и все вообще документы, могущие удостоверить, что в данном случае при приеме ученика цех соблюдает все разработанные им условия, поручители тут же удостоверяли честное происхождение и все то, что от них требовалось. Старшина цеха, наконец, приступает к опросу всех присутствующих на предмет выяснения, не знают ли они чего-нибудь предосудительного о кандидатах-учениках; если «отвода» не последует, то старшина цеха, изложив ученику его обязанности по отношению к цеху и мастеру и спросив ученика, намерен ли он их свято соблюдать, заявляет от имени всего цеха, что данное лицо принято в ученики. Иногда требовалось еще принести клятву городскому совету в том, что он (ученик) будет в полном повиновении и соблюдет верность городу. Имя ученика заносилось в цеховые списки.

Торжественное собрание обходилось ученику довольно дорого. Если ученик не был сыном члена цеха, он должен был на свой счет провести угощение всех членов цеха, пожертвовать известное количество свечей или воска, который цех тратил на богослужение или на похороны своих членов, совершавшиеся за счет цеха. В ред-

ких случаях к этим затратам прибавлялась еще определенная сумма, которую ученик вносил в пользу города. Значительно дешевле вступление в ученики обходилось детям членов цеха: они или наполовину несли расходы по угощению и от прочих взносов освобождались, или же полностью освобождались от всяких материальных затрат.

Как мы уже заметили, договоры и всякого рода соглашения заключались не столько с учениками, сколько с их родителями. Последние в решающий момент определяют, где, на какой срок и на каких условиях подросток будет проходить ученичество. Бесправие ученика проходит красной нитью через всю историю средневекового ученичества (да и не только средневекового ученичества).

Срок ученичества.

Итак, ученик переходит на обучение к мастеру. Выше мы уже говорили в общих чертах о том времени, которое приходилось ученику затрачивать для прохождения ученичества. Изучая положение учеников в парижских цехах, мы замечаем, что срок ученичества там чрезвычайно пестр. Повара устанавливают 2 г. обучения; выделыватели четок из раковинки и коралла—12; бахромщики—3 г.; выделыватели головных уборов с драгоценными украшениями—4 г.; отделыватели шапок мехом и пирожники—5 лет; поясники, лучники, каменщики—6 лет; выделыватели войлочных колпаков, прядильщицы на больших веретенах—7 лет; у выделывателей четок

из черного янтаря и агата, ювелиров, проволочников и серебряных дел мастеров—10 лет.

Указывая на то обстоятельство, что ученичество продолжается десять лет у ювелиров и серебряных дел мастеров наравне с проволочниками, Н. Грацианский («Париж. ремесл. цехи в XIII—XIV стол.», стр. 106) приходит к тому заключению, что тут мы имеем просто-на-просто дело с желанием как можно дольше пользоваться даровым трудом учеников, как можно больше удлинить срок ученичества. В этом отношении одни мастера успели больше других, чем и об'ясняется та пестрота в сроках, которую мы усматривали выше.

Условия работы.

На обязанности мастера лежало обучить ученика ремеслу, воспитывать его, сделать из него «честного, нравственного и набожного человека», следить за посещением церкви в праздники, не разрешать уходить из дома без ведома мастера, следить за возвращением домой во-время.

Ученик считался на высоте своего положения, когда он проявлял послушание, безусловную честность, почтительность к мастеру и его домашним, выполнял быстро и добросовестно все поручения мастера.

Почти во всех странах на долю учеников, сверх довольно тяжелой работы по ремеслу, выпадали и домашние работы: няньчить детей (днем и ночью), убирать, помогать жене мастера по хозяйству, выполнять личные поручения мастера и подмастерья.

Кой-какие буржуазные исследователи склонны в розовых красках рисовать этот период ученичества. Для

них достаточно уже того, что ученик ел, пил и спал у мастера и работал столько же, сколько он. Последний факт правилен—ученики работали столько же, сколько мастера, но понятно, что на неокрепшем организме ребенка равные условия работы оказывали далеко не равные результаты.

С того времени, как ученичество начинает регулироваться, ученик становится фактически бесплатным помощником хозяина-мастера, как его называет буржуазный исследователь парижских цехов—Н. Грацианский.

Правда, в первый период эксплоатация учеников не дает себя так остро чувствовать, но уже скоро эта эксплоатация начинает переходить пределы возможного.

Пьер Бризон приводит отрывки из устава цеха, рисующие обязанности ученика.

«Все ученики должны, раз они нанялись, убирать и подметать мастерскую и чистить дверь снаружи; собирать инструменты подмастерьев и все, что валяется неприбранным, как для мастера, так и для подмастерьев; хорошо прислуживать подмастерьям и подавать им все, что нужно для работы; ходить для них за пищей и питьем, если они на своих харчах, услуживать им без промедления и стремиться снискать их любовь, ибо часто подмастерья в большей мере, чем мастер, обучают учеников ремеслу. И если снискать их дружбу, то они ничего не скроют от учеников и очень скоро научат их ремеслу. Кроме того, следует, чтобы ученики ежедневно поднимались раньше всех и ложились спать последними, ибо на их обязанности лежит открывать и закрывать мастерскую; они должны также постилать подмастерьям постели; они обязаны всегда быть прилежными

и послушными, ибо в противном случае может нередко оказаться, что срок их обучения закончился, а они все еще невежды... Если ученики платят за свое обучение деньги, то они отнюдь не должны допускать, чтобы их заставляли делать то, что вовсе не относится к их ремеслу, то-есть мыть посуду, гулять или няньчиться с детьми или что-нибудь иное, что заставляют их делать мастера-хозяева или хозяйки, ибо сие не оговорено ни в их условиях, ни в уставах того ремесла или искусства, которое они хотят сделать своей профессией. А если они не платят денег, то нанимаются на более продолжительный срок» (стр. 24).

Прекрасным дополнением к только что приведенной характеристике положения ученика могут служить еще следующие строки, которые мы заимствуем из той же книги Пьера Бризона.

«Кто хочет белого, кто красного бутылку.
А чуть я запоздал, сейчас же по затылку.
Уж я молчу о том, что ради пол-сетье,
Избегаешь с десяток кабаков везде.
Тому голландский сыр, швейцарского другому,
А третий хочет фруктов—вновь беги из дому.
И все они так злы, что им не попадайся.
Никак не угодишь, хоть век для них старайся».

Все то, что мы приводили выше о жизни ученика, относится к XVI веку; отнюдь не лучше обстояло и на два века раньше, как это ни хотелось бы тем, кто видел в прошлом ученичестве прообраз идеальных отношений, к которым нам следовало бы и сейчас стремиться.

Для того, чтобы рассеять всякие сомнения на этот счет, мы приведем официальный документ, относящийся к 1399 г. Этот документ—описание дела, разобранного парижским судьей.

«Сегодня была разобрана нами тяжба между Жаке Ториньи, выступившим в качестве защитника интересов своего сына, с одной стороны, и серебряных дел мастером Жаком—с другой, состоящее в том, что названный Ториньи показывал... против указанного серебряных дел мастера, будто этот мастер, которому был дан в качестве ученика его сын, настолько бесчеловечно обходился с ним, что он (сын) вследствие таких грубых поступков должен быть освобожден от выполнения условий указанного договора и грамоты его должны быть выданы ему обратно. Принимая во внимание, что указанный мастер признался в том, что он... сильно бил указанного ученика связкой ключей и нанес ему на голове рану и две шишки, мы признали, что в данном случае были совершены грубые поступки против ученика со стороны указанного мастера, вследствие чего договор ученичества должен быть уничтожен».

Вот второй документ, не менее ярко рисующий те чисто «семейные» отношения, которые существовали между мастерами и учениками.

«Сегодня,—говорится в одном из судебных протоколов, помеченном 14 июля 1410 г.,—вследствие того, что до сведения правосудия дошел слух, будто некая девица, по имени Изабелла Берольд—ученица Жана Брюйэ, живущего в улице Порт, сегодня скончалась и в продолжение своей болезни неоднократно повторяла, что ее мастер бил ее, топтал ногами и, наконец, нанес ей смер-

тельный удар, мы послали господина Жана Трюн—медика—освидетельствовать труп... а затем, в виду его донесения... мы описали имущество названного Брюйэ... по иску Пьера Дубиэля... и указанный Брюйэ обязался приходить на суд... каждый раз, как будет вестись расследование его дела».

Мы заметили уже как мало-по-малу рабочий день ученика начал обгонять обычный день ремесленника, так как на обязанность ученика ложилась чистка, уборка и раскладка инструментов и ряд других работ, которые должны проделываться перед началом и после конца работ.

Избиение учеников—явление довольно частое, но не везде проводится в порядке самоуправства. Очень часто уставы предусматривают этот вопрос, решая его в положительном смысле.

Так, Швабское зерцало предоставляло мастеру право телесно наказывать ученика, только не до крови (кровотечение из носу в счет не принималось) и чтобы число ударов не превышало 12-и. Точно так же и в Баварии требуется, чтобы мастер наказывал ученика «без злого умысла» и чтобы розги были не толстыми (из веток однолетних).

Мы видим, как цехи пытаются защищать учеников от переусердствовавших воспитателей. В этом отношении французские цехи более энергично действовали, тогда как в Германии цехи начинают защищать учеников от избиений и истязаний не раньше XVI века, когда эксплоатация учеников приняла особенно жестокий характер.

Плата за обучение.

При цеховом ученичестве вводится плата за обучение. Ученик платит мастеру. Так, например, парижский цех устанавливает плату, которую мастер должен получать от ученика. Плата считается минимальной, т. е. ни один мастер не имеет права получать за обучение меньше назначенного цехом:

За 4 года обучения	1 р. 40 к.
« 5 лет »	1 р. 20 к.
« 6 » »	— 40 к.
« 7 » »	бесплатно,

т. е., чем больше длится ученичество, чем дольше мастер имеет возможность пользоваться дешевым трудом ученика, тем меньшая плата взимается с последнего.

То же самое у ткачей Сен-Марселя: за 7 лет обучения—40 коп., за 8 лет—ничего; у вязальщиков за 6 лет обучения ученик вносит мастеру 75 коп. за 8 лет—ничего. Во многих цехах существуют еще требования, согласно которых, помимо установленной платы за обучение, ученик должен внести соответствующую сумму в пользу короля, общины или старшин цеха.

Несколько лучше обстояло дело в Англии. Так, например, английские кожевники, установив в 1480 г. 8-летний срок ученичества, обуславливают в некоторых договорах, что ученик первые семь лет получает несколько карманных денег—9 коп. в первый год, 18 коп. во второй и т. д., с каждым годом больше на 9 коп. Только на восьмой год он получает больше, да и то всего 5 руб. Одеяльщики в 1451 г. совершенно не дают карманных

денег ученику. Только на седьмой год ученику платят жалованье в количестве 4 р. 60 к., следующий год ученик обязуется проработать на того же мастера за несколько большую плату.

Точно так же и в немецких цеховых уставах мы встречаем требования платы со стороны ученика мастеру. Отличие от французских уставов здесь заключается в том, что установленная плата является не только минимумом, ниже которого мастер на основании обоюдного соглашения не имеет права получать, но и максимумом. Это постановление немецких цехов об'ясняется их желанием поставить всех мастеров в равные условия, чтобы они не сманивали учеников, чтобы ученичество не вносило того разлагающего цех неравенства, которого так настойчиво и в то же время так безуспешно цехи пытались избегнуть.

Вполне понятно, что и здесь дети мастеров пользуются большими привилегиями, совершенно не платя за свое обучение.

Ограничение числа учеников.

Так как эксплоатация учеников представляла несомненную выгоду для мастеров, цехи, не ограничиваясь регулированием платы за обучение, начинают определять число учеников, какое вправе иметь каждый мастер. Так как и тут цехи преследовали исключительно интересы своих членов, т. е. мастеров, то они, понятно, заботились не о том, чтобы установить минимум числа учеников, а устанавливали максимум, т. е. установлен-

ное число не могло быть увеличено без того, чтобы не вызвать со стороны цеха соответствующих кар.

В Германии ограничение числа учеников вводится с конца XIV века. Уставы того времени позволяли иметь еще одного, редко двух учеников, кроме того, сверх комплекта разрешалось брать еще одного ученика тогда, когда первому осталось до окончания не более одного года. Такое решение об'ясняется тем, что мастер не может и не должен ни на один месяц лишаться уже сколько-нибудь опытного помощника, а таким может быть, как мы видим, подросток, пробывший в ученичестве год. Кроме того, разрешалось очень часто принимать в ученики собственных детей и близких родственников, число которых, таким образом, не ограничивалось уставом.

Вначале в Англии, как указывает Эшли, ремесленные указы удовлетворялись замечанием, что число учеников должно находиться в полной зависимости от того, имеет ли мастер возможность «содержать, наставлять и обучать» их. Несколько позже регулирование становится более строгим; так, ньюкэстльские кровельщики должны были брать по одному ученику на семь лет, при чем мастер мог взять другого ученика только тогда, когда первый пробыл у него уже 6 лет. В уставе лондонских литейщиков говорится: «Дозволяется каждому брату ремесла, не занимающему никакой должности и имеющему возможность на собственные средства обучать и содержать ученика, иметь одновременно не более одного (ученика), за исключением того случая, если он обратится с жалобой к казначею и если последний найдет его знающим и способным; тогда он может иметь двух учеников, но не более... Должностным лицам дозволяет-

ся иметь одновременно не более двух учеников. Занимающему должность пристава не более трех. Главному приставу не более четырех одновременно».

Точно так же и во Франции цехи очень скоро приступают к регулированию приема ученичества. В большинстве цехов каждому мастеру разрешается иметь не более одного ученика. Если жена мастера тоже сведуща в ремесле, то и она может взять одного ученика для обучения; что же касается приема родственников сверх установленного числа учеников, то по этому поводу устав ткачей полотна говорит следующее: «Мастер названного цеха вместе с посторонним учеником может взять одного ученика из среды своих родственников или родственников своей жены, но необходимо при этом, чтобы мастер или мастерица дали положительное доказательство того, что взятый ученик является их родственником».

Цех все пускал в ход для того, чтобы как можно надежнее ограничить доступ в мастера. Высокий вступной взнос, высокая и не для всех доступная плата за обучение, чрезмерно длинный срок обучения, ограничение числа учеников — все это попеременно или одновременно выбрасывалось цехом в качестве спасательного круга, долженствующего сберечь мастеров от чрезмерного наплыва новых членов цеха. Мы наглядно показали, как мастера лучше других ценили и понимали выгоду применения труда учеников, и исключительное право эксплоатации дополнительного числа малолетних они предоставляли тем, кто находился на руководящих постах цеха. Вот лучшая наглядная иллюстрация того, что ученичество было для ученика не столько средством

повышения квалификации, сколько тяжелой повинностью, без прохождения которой не получить звания мастера.

Продажа и выкуп.

Во французских цехах очень часты случаи «продажи» и «выкупа» учеников. Один мастер в присутствии соответствующих лиц от цеха передает другому мастеру для продолжения ученичества данное лицо; обыкновенно ученик, которому не нравился данный мастер и условия труда у него, под влиянием сманивания его другим мастером, своим вызывающим поведением ставит мастера в такие условия, что тот вынужден ученика «перепродавать». Мастер, «купивший» ученика, уплачивал старому мастеру соответствующую сумму, которая должна возместить потраченные последним труды. Так как подобное сманивание не очень-то улыбалось мастерам, то очень скоро цехи выносят постановление, запрещающее какие бы то ни было «продажи» и «покупки» учеников, дабы «ученики не гордились и не зазнавались перед своими мастерами, а также для того, чтобы соседи не пытались переманивать их к себе; под влиянием такого сманивания мальчики делаются гордецами перед своими мастерами и всячески стараются дать повод для их продажи».

Бывали случаи, когда ученик, по тем или другим причинам пожелавший покинуть данного мастера, прибегал к выкупу, т. е. возвращал мастеру, по обоюдному соглашению, деньги, возмещающие убытки, какие несет мастер в связи с его уходом.

Расторжение договора.

Договор, заключенный между мастером и учеником, не всегда выполнялся пунктуально, очень часто договор уничтожался, по вине ли мастера или ученика или по каким-либо обстоятельствам, независящим ни от той, ни от другой стороны.

К расторжению договора по вине ученика приводили случаи воровства со стороны ученика, дурное поведение, оскорбление мастера, его жены или их детей, неплатеж за учение, непослушание, непочтительность. Точно так же нарушением договора считался тот случай, когда ученик проведет ночь вне дома мастера без его ведома и согласия. Мастера принимали, конечно, все средневековые меры дисциплинарного взыскания, имевшиеся в их распоряжении, и прибегали к расторжению договора только в крайности. В последнем случае ученик обязуется возместить убытки, понесенные мастером.

Точно так же дурное обучение ученика ремеслу, плохое содержание его, жестокое обращение, неуплата следуемого ученику вознаграждения—вели к расторжению договора, но уже по вине мастера. Но в то время, как жалоба мастера всегда приводила к тем результатам, которые ему были угодны, жалобы учеников очень часто оставлялись без последствий.

Бегство.

Вот почему ученикам очень часто приходилось прибегать к самому решительному средству избавления от истязаний мастера—к бегству. Насколько это бегство приняло широкие размеры, видно уже хотя бы из того,

что в городе Мюнстере, в период 1558—1661 гг., в цех золотых дел мастеров поступило 211 учеников, окончило обучение—71 человек и, за исключением 7-и умерших, остальные разбежались. Цехи самым жестоким образом разделывались с теми из числа бежавших, которые вылавливались. Ученика заставляли сызнова проходить ученичество, совершенно не зачитывая прошлого срока обучения. Одновременно с родителей или опекунов ученика взыскивался денежный штраф и, наконец, если бежавший долго отсутствовал, то, на ряду со штрафом, он лишался возможности работать у любого мастера данного цеха, а иногда и данного города.

Разложение цехов.

Жестокие меры регулирования ремесленничества не могли, однако, спасти мастеров от разорения. Чем больше вводилось ограничений, тем скорее цеховой строй и его порядки шли к гибели, взрывались изнутри.

Если в XIII—XIV столетиях ученики и подмастерья могли еще думать о том, что спустя некоторое время они станут полноправными хозяевами-мастерами и точно так же будут эксплоатировать своих учеников и своих подмастерьев, то к концу XV века эти надежды превращаются в иллюзии. Появляется все большее и большее количество цехов, которые начинают ограничивать доступ в цех исключительно членами семьи ремесленников данного цеха. В остальных вступительный взнос настолько высок, пробная работа подмастерья требует стольких средств, что по части получения звания мастера эти цехи ничем не отличаются от цехов, прини-

мающих в свои ряды исключительно членов семьи мастеров.

В Англии закон Елизаветы от 1562 г. определяет срок ученичества в 7 лет, как обязательный минимум, при чем вводится ряд ограничений, которые еще в большей степени отягощают положение учеников. Этим законом устанавливается, что дети бедных родителей могут в известных случаях принудительно привлекаться к ученичеству.

Почти во всех цехах закрывается доступ для женщин. Закон Елизаветы устанавливает рабочий день ученика от 5 ч. утра до 7 или 8 час. вечера, зимою с восхода до заката солнца. По закону «устанавливать и ограничивать» заработную плату должны мировые судьи, которые обязаны ежегодно после праздника пасхи определять заработную плату учеников.

Больше того. Тот мастер, который пожелает платить ученику сверх установленной платы, присуждался к 10 дням тюремного заключения и значительному денежному штрафу, а тот ученик, который «соблазнится» этой дополнительной платой, приговаривается к 21 дню заключения. Уменьшение установленной судьями платы не преследовалось.

Конкуренция, душившая ремесленников, познакомившая их с нуждой и лишениями, углубила ту рознь, которая уже издавна существовала между мастерами, подмастерьями и учениками.

Выводы.

Несмотря на то, что детский труд в средние века применялся под этикетом ученичества, мы имеем перед собой хорошо разработанную, во всех деталях продуманную, систему эксплоатации труда малолетних.

Труд подростка не был только учебным или учебно-вспомогательным трудом. Мы видели, с каким удовольствием, с какой поспешностью любое должностное лицо цеха использовывало свое право иметь дополнительное количество учеников. Для чего? Для того ли, чтобы подучить еще 2—3 подростков!

Ученики гораздо скорее установленного срока научались ремесленному делу. Мастер широко использовывал подростка не только для вспомогательной работы, но и для производства всего товара целиком, для основной работы.

Больше всего против такой эксплоатации протестовали подмастерья. Они-то энергичнее других добивались, чтобы ученики использовывались только на вспомогательной работе. Но это было не в интересах мастера.

Мастер-ремесленник стремился получить от подростка максимум того, что от него можно было получить. Ведь ученик никакой угрозы для мастера представлять не может. Несмотря на то, что он обучен, стать самостоятельным ремесленником он не может до тех пор, покуда он не пройдет тот срок ученичества, какой установлен цехом. А срок-то установлен, исходя из интересов мастеров.

Некоторые полагают, что в период преобладания ремесленничества задача подготовки новых работников ставилась, как сознательная задача.

Из предыдущего читатель должен заключить, что это не соответствует действительности.

Никогда в массовом масштабе эта задача сознательно не ставилась. Тем более в период ремесленничества.

Только за последнее время в капиталистически развитых странах эта задача частично ставится.

В рамках строя эксплоатации более широкой постановки вопроса о подготовке обученной рабочей силы противоречит частная собственность на орудия и средства производства, т. е. на фабрики, заводы, машины и проч.

II

ДЕТСКИЙ ТРУД В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Возникновение домашней промышленности.

К концу XVI века цеховой способ производства начинает окончательно изживаться. Развитие техники. а вслед затем увеличившееся разделение труда, расширение рынка далеко за пределы своего округа, вызвало к жизни домашнюю или так называемую кустарную промышленность.

Разложение цехов и самого ремесленного способа производства шло чрезвычайно медленно. Не в год и не в два заканчивается этот процесс. Цехи вели упорную ожесточенную борьбу за сохранение старых форм производства. Каждый цех издавал уйму стеснительных постановлений, направленных против всяких попыток обойти цеховую регулировку. Но рост производительных сил сам по себе вызывал и требовал создания новых форм производства и предопределял уничтожение

старых. Работа над товаром, которая раньше производилась одним ремесленником, сейчас распадается на ряд мелких и частных работ, из которых каждая выполняется ремесленником, специализирующимся на этой работе.

Так, в шерстяной промышленности существовали цехи прядильщиков, ткачей, валяльщиков, стригателей, красильщиков. Вместо одного цеха, в кожевенной промышленности существовали цехи кожевников, скорняков и сапожников. В производстве ножей и холодного оружия железо обрабатывалось сначала кузнецом, затем закаливальщиком и шлифовщиком; далее оно поступало к мастеру, выделывавшему эфесы и ножны и наконец к сборщику оружия.

При таком разделении труда тот цех, на долю которого выпадала заключительная операция, обыкновенно захватывал в свои руки сбыт готовых изделий и мало-по-малу превращался в об'единение скупщиков. Так как рынок далеко отстоял от местонахождения мастерской, то скоро ремесленник попадал в полную зависимость от скупщика и превращался фактически в кустаря-поставщика. Эта зависимость приводила к самой жестокой эксплоатации кустарей. Вместе со всей семьей в работу на скупщика вовлекаются дети без всякого, понятно, возрастного ограничения. Если ребенок умеет сознательно шевелить руками, этого достаточно для того, чтобы его привлекли к изнурительной работе на скупщика-капиталиста.

При новом способе производства на долю мастера осталось только одно—превращать сырье, поставляемое ему скупщиком, в потребный для последнего товар.

Однако ремесло не изживает себя окончательно. Оно пытается, и не без успеха, удержать за собой кой-какие позиции. И действительно, в ряде отраслей: изготовление платья, белья, шляп, мебели, утвари и пр.,—ремесленный способ производства преобладает. Зато в производстве полуфабрикатов, материалов, необходимых для этих ремесленников, в особенности шерстяной, льняной, полубумажной пряжи и тканей, в обработке железной и медной руды, дублении кож, преобладает кустарный способ производства.

Распространение детского труда.

Детский труд применялся здесь в совершенно других условиях. Цехи, пусть хотя в интересах мастеров, но все же вводили кой-какое ограничение применения детского труда. Здесь ничего подобного не было: ни возрастного, ни количественного ограничения труда детей и подростков.

В Австрии, в Анненберге, на протяжении 8—10 миль, в кружевном производстве можно было встретить 10 тысяч детей, за нищенскую оплату от зари до зари стоявших за кропотливой и изнурительной работой. Тогдашняя императрица Австрии Мария-Тереза (1740—1780) являлась большой поклонницей применения детского труда и глубокомысленно рассуждала по поводу того, что мальчик и девочка, начинающие работать с 14 лет, не произведут и половины того, что двое других детей, равных способностей и силы, но начавших работать с 6—7 лет.

Целые районы в Лиможе и в кантонах Северных департаментов Франции развивали производство пряжи и выделки полотна, основываясь на дешевом труде малолетних от 6—7 лет.

И в Пруссии, в середине XVIII века, мы встречаемся с широким применением детского труда. Когда в 1766 г. прусский король Фридрих Великий об'езжал Силезию, он милостиво обещал скупщикам прислать им тысячу детей в возрасте от 10—12 лет для работы по пряже холста.

«Школа».

В 1818 г. совершенно случайно прусское правительство узнало, что в одной из рейнских провинций построена фабричная школа. Правительство, всегда готовое «поддержать» благое начинание, поспешило выразить благодарность на редкость добросердечному фабриканту. Но нашлись люди, более близко знакомые с состоянием школы, которые усиленно стали настаивать на правительственном обследовании школы. Министр народного просвещения фон-Альтенштейн вынужден был поближе ознакомиться с положением дела. И что же оказалось?

У данного фабриканта были два прядильных заведения. Дети принимались туда в возрасте 5 — 6 лет, для дневных и ночных работ. В одной прядильне днем работали 96, ночью—65 детей, в другой днем—65, ночью—80. Рабочее время днем составляло 13 часов, ночью—11 часов; часто дети работали по воскресеньям и праздничным дням. О том, что детский труд применялся здесь

далеко не для учебно-воспитательных, школьных целей, а именно, как дешевая рабочая сила, видно из того, что за ту самую работу, за которую взрослому полагалось платить 45—46 коп., детям платили 10 коп.

Спор прусских министров.

В связи с обследованием этой школы поднялся спор вокруг вопроса о регулировании детского труда. Спорили министр просвещения фон-Альтенштейн и министр внутренних дел фон-Шукман. Так как министры не могли друг друга переубедить, а перед общественным мнением надо было как-нибудь оправдаться, постановлено было приступить к обследованию положения малолетних Рейнской провинции, Вестфалии, Силезии, Бранденбурга и Саксонии.

Несмотря на то, что обследование производилось прусской администрацией, результаты получились чрезвычайно показательные.

В отчетах можно встретить такую характеристику состояния детей: «Бледные лица, воспаленные глаза, вздутые животы, опухшие щеки, губы и крылья носа, воспаленные железы шеи, злокачественная сыпь на коже и припадки астмы отличают в гигиеническом отношении эти несчастные создания от других детей того же класса народа, но не работающих на фабриках. В такой же степени жалко и их умственное и нравственное воспитание».

В гвоздильном производстве Мерзебургского округа дети с 4 часов утра до 6 часов вечера должны были выполнять такую тяжелую работу, как раздувание мехов;

тысячи детей подвергались наказаниям и самой ожесточенной эксплоатации, очень часто с 4 лет, в текстильной промышленности, на фабриках иголок, бронзы, пряжек, цепочек, ковров, бумаги, фарфора и всевозможных других работ. Отдых детей проходил за водкой, табаком, развратом и азартными играми.

Прусские министры добродушно ссорились, фабричные дети вырождались, а в результате — прусская буржуазия и ее правительство пальцем о палец не ударило.

В 1826 г. генерал-лейтенант фон-Горн доложил королю, что фабричные округа уже не могут доставлять надлежащий контингент рекрутов. Вот до чего доводила капиталистическая эксплоатация рабочую молодежь.

Это подействовало на «общественное мнение» убедительнее всевозможных обследований. Но и на этот раз от заявления фон-Горна до первого законодательного решения об ограничении применения детского труда прошло 13 лет.

Дети в хлопчато-бумажной промышленности Англии.

Но особенно широко эксплоатировался труд малолетних на родине капитализма—в Англии. В хлопчато-бумажной промышленности, в шелковом производстве, в производстве парусов работали дети от 5—7 лет. О том, как в то время жила рабочая молодежь, рассказывает Джордж Кромптон, изобретатель прядильной машины, изведавший все ужасы буржуазной эксплоатации на заре машинного производства.

«Едва я стал ходить, как меня заставили работать в бумаго-ткацком производстве. Пряжу моя мать клала в глубокую коричневую лохань, куда вливалась мыльная вода. Затем она загибала мне платье и ставила меня в лохань, чтобы я отбивал ногами пряжу. Воду она каждый раз прибавляла, после чего я вновь приступал к работе. Это продолжалось до тех пор, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уж не в состоянии был стоять в ней. Тогда мать придвигала к ней стул, за спинку которого я держался».

Мальчики-трубочисты.

Много шума наделало в Англии разоблачение о работе детей-трубочистов. Первое разоблачение было сделано еще в 1788 г., а в 1800 г. были уже даже организованы специальные общества для борьбы с маленькими трубочистами. Но работа этих обществ ограничилась опять-таки обследованием, знакомством, внешней трескотней.

За ничтожную плату мастера-трубочисты нанимали детей у бедных родителей. Обыкновенный возраст: 6—7 лет, хотя встречаются и 5-летние. Работа происходила следующим образом: ребенок должен был лезть в камин и вычистить трубы, но так как трубы были узки, то изобретательные мастера на предмет ускорения работы стояли возле мальчиков и втыкали последним булавки в подошвы или же к детским ногам прикладывалась зажженная солома. Не трудно догадаться, с какой лихорадочной поспешностью ребенок пытался пролезть в трубу и, чем поспешнее это делалось, тем больше

ребенок себя изувечивал. Те немногие из них, которые доживали до юношеского возраста, безжалостно выбрасывались мастерами, так как подросши они делались непригодными к данной работе.

О чем спорили лорды.

Когда в 1834 г. (наконец-то!) некто Фокс Моль внес в палату общин проект закона, запрещающего употреблять на эту работу маленьких детей, два лорда—Гаттингтон и Сеймур—выступили с протестом против упомянутого закона, указывая, что, ежели данный закон будет действительно проведен, вся страна сгорит, так как некому будет чистить трубы.

Лорды оказались единодушны и без долгих рассуждений провалили проект закона.

Только в 1840 г. проведено было запрещение принимать в ученики трубочистов до 16 лет, и однако Англия не сгорела.

В кружевной промышленности.

Карл Маркс достаточно ярко рисует труд детей в домашней промышленности. В Англии существовали так называемые «дома хозяек», в которых производилась последняя отделка кружев. Рабочий день длился здесь с 8 часов утра до 8 часов вечера.

«В английских казармах предписываемая емкость составляет 500—600 куб. футов на каждого солдата, военным лазаретам—1.200. А в этих дырах для труда приходится 67—100 куб. футов на человека. В то же время

газовое освещение поглощает кислород воздуха. Чтобы держать кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки даже зимою, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича. Для Ноттингама нет ничего необычайного в том, что 14—20 детей запрятывают в одну маленькую комнатку, быть может, не более 12 футов в квадрате, и заставляют их по 15 часов в сутки проводить за работой, которая и сама по себе истомляет тоскливостью и монотонностью, да и ведется в таких антигигиенических условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и быстротой, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не поднимают глаз от работы, боясь потерять хотя бы один момент. «Длинная палка» служит для хозяек средством подгонять детей тем настойчивее, чем более удлиняется рабочее время. Дети мало-по-малу утомляются и становятся беспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе монотонной, вредной для глаз, утомительной, вследствие отсутствия перемен в положении тела. Это настоящий рабский труд. Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле слова—в нанятой комнате,—положение еще хуже, если это только возможно. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингама. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 час. вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей (лицемер) в лице одного из своих наемных холопов,

конечно, сопровождает это умилительной фразой: «Это для матери»,—хотя очень хорошо знает, что бедному ребенку тоже придется усесться и помогать матери». (Маркс и Энгельс.—«Детский труд», стр. 5—6).

Размеры эксплоатации.

Мы совершенно согласны с проф. И. М. Кулишером, у которого мы заимствовали некоторые данные, относящиеся к применению детского труда в эпоху домашнего производства, когда он в своей содержательной книге «Промышленность и рабочий класс в Зап. Европе в XV — XVIII ст.» говорит: «Эксплоатация женского и детского труда в кустарном производстве XVII — XVIII ст. едва ли не превышала по своим размерам ту эксплоатацию, которую мы находим в первой половине XIX века, в первую эпоху развития фабричной промышленности. Англия, Франция, Германия, Нидерланды конкурируют друг с другом в применении женского и детского труда в различных отраслях текстильной промышленности».

Возникновение машинного производства.

В последней четверти XVIII века появляются в Англии первые машины. Быстро одно за другим следуют технические изобретения и усовершенствования. В 1770 году Джемс Харгривс из Ланкашира изобрел так называемую «прялку Дженни», представляющую усовершенствованный прядильный станок. В то же время Томас

Гай устраивает другой станок того же рода. Цырюльник Ричард Аркрайт в 1771 г. на основе старых изобретений внес значительное улучшение в конструкции прядильной машины и открыл прядильную мастерскую в Дербишере на реке Дервенте, дабы использовать в качестве движущей силы текучую воду реки.

Еще несколько лет спустя, в 1779 г., обе эти машины были вытеснены новым изобретением Самуэля Кромптона. Эта прядильная машина, значительно усовершенствованнее последних, известна под названием «мюльмашины». С введением этой машины на одном станке под надзором одного человека стало работать до 12.000 веретен.

Несколько позже, в 1785 г., Картрайтом был изобретен механический ткацкий станок.

Первые жертвы.

Уже первые фабрики, построенные на основе указанных изобретений, начинают широко пользоваться трудом детей неимущих, разоряющихся под влиянием фабричной конкуренции, родителей.

Жалобы на жестокую эксплоатацию детей раздаются уже с первых дней применения прядильной машины и механического ткацкого станка.

В 1795 г. в Манчестере создается первый комитет для ознакомления с положением малолетних. Во главе этого комитета поставлен известный врач Персеваль. Спустя год, Персеваль так рисовал положение детей:

«I. Оказывается, что дети и другие лица, работающие на больших хлопчато-бумажных фабриках, особенно

склонны к восприятию заразы горячки и что, раз эта зараза воспринята, она быстро распространяется, поражая не только лиц, толпящихся в одних и тех же помещениях, но и их семьи и семьи их соседей, живущих рядом с ними. II. Большие фабрики вообще вредны для здоровья лиц, работающих в них, даже тогда, когда никаких особенных болезней не существует на фабрике. Вред этот вызывается скоплением в одном помещении многих лиц, ослабляемых действием жаркого или испорченного воздуха и недостатком деятельных упражнений, которые, в силу требования природы, существенно необходимы для укрепления организмов детей и юношей и для того, чтобы сделать их годными выполнять свои будущие человеческие обязанности. III. Несвоевременная ночная работа и слишком усиленный дневной труд не только уменьшают надежды на будущее относительно общего срока жизни и труда, подтачивая силы молодого поколения и разрушая его жизненную энергию, но и слишком часто поощряют к лени, сумасбродствам и расточительности родителей, которые в противоположность обычному порядку в природе существуют угнетением своих потомков. IV. Оказывается, что дети, работающие на фабриках, лишены всякой возможности получать образование, а также нравственное и ремесленное воспитание».

Несмотря на то, что д-р Персеваль представил достаточно точные данные о положении малолетних, буквально никакие меры к улучшению положения последних не были приняты.

Приходские ученики.

До изобретения паровой машины фабрики пользовались в качестве движущей силы энергией падающей воды; поэтому фабрики строились там, где протекала вода, в отдаленных от населенных пунктов местах.

Такое положение ставило многие предприятия в затруднения при наборе необходимого кадра рабочих. Для того, чтобы вывести капиталистов из затруднительного положения, приходы (мелкие административные единицы в Англии) уже издавна организуют при себе так называемые работные дома. Печальную славу эти приходы нажили созданием безобразного института приходских учеников.

Ознакомимся вкратце с историей этой организации.

Уже в середине XVI в. под влиянием развития бродяжничества Генрихом VIII был издан закон, согласно которому предписывалось:

«Задерживать всех детей в возрасте от 5 — 13 лет, занимающихся прошением милостыни или праздношатающихся, определять в семьи или мастерские для обучения, дабы этим путем они были подготовлены к жизни, когда достигнут соответствующего возраста. Если кто из детей покинет мастерские «без достаточных оснований», то его ожидает публичное наказание».

В следующем правительственном акте о бродягах предписывается задерживать всех от 5—14 лет «в безделье блуждающих» и затем направлять их всякому, кто об'явит на то согласие. Не трудно догадаться, что желания малолетнего совершенно не испрашивалось, и для

того, чтобы не было на этот счет сомнений, правительственный акт говорит совершенно определенно о том, чтобы «детей брать по желанию или против желания матери, воспитательницы или кого другого, у которого находится такое дитя». Мальчик мог содержаться до 24 лет, девочка до 21 года.

Приходское ученичество долгое время служило предметом законодательных регулирований. В 1628 г., помимо права отдавать «призреваемых» детей, на обязанность приходов возлагается самостоятельная организация работ и мастерских. Этим ученичеству, по правильному замечанию многих исследователей, как чему-то привилегированному, фактически был положен конец.

Однако приходы предпочитали детей продавать, нежели заниматься организацией мастерских, и только в начале XVIII века в Плимуте при организации рабочего дома впервые указывается на необходимость обучения малолетних ремеслу.

О том, как в Плимуте рисовали себе в идеале воспитание малолетних, видно из следующего отрывка из устава работного дома:

«Пригласить лицо благочестивого, честного характера, безупречного поведения, хорошо подготовленное для выполнения функций школьного учителя; в рабочем доме должна быть отведена особая комната, в которой это лицо утром и вечером в определенные часы читает молитвы для призреваемых в рабочем доме; далее, каждую субботу после полудня и в праздник это лицо должно обучать малолетних призреваемых катехизису и основным началам протестантского вероисповедания, согласно учению английской церкви, а также чтению, письму

и счету, а тех, кто выразит желание и обнаружит к тому способности, также и навигации с соответствующими для того отделами математики».

Но эта первая попытка обучения детей никогда и нигде не проводилась. Приходское ученичество было уничтожено только в середине XIX века.

Приходы в связи с появившимся спросом на рабочую силу уже очень рано начали продажу «призреваемых». Сама обстановка продажи и покупки представляет собою самое отвратительное позорное явление, которое мог вызвать только появившийся на свет божий капитализм, который в этот период, по выражению Маркса, «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до ног».

«Закупка детей» производилась чрезвычайно просто.

«Заводчики вступали в сношения с надсмотрщиком бедных и, когда спрос и предложение приходили к соглашению, к общему удовольствию уговаривающихся сторон, назначался день для осмотра маленьких детей, который производился заводчиком или его агентом. Иногда же торговцы договаривались с надсмотрщиком об отправлении их юных жертв в Манчестер или другие города. По прибытии на место, если только дети не были законтрактованы заранее, их помещали в темные погреба, куда торговец, торгующий ими, приводил своих клиентов и где заводчики при свете фонарей осматривали детей, их члены и строение, подвергая их тщательному исследованию, после чего заключался торг, и бедные невинные жертвы отправлялись на заводы». (Цит. по Кук-Тейлору—«Фабрики и фабричная система», стр. 35).

Маркс приводит выдержку из речи Френсиса Горнера, произнесенной им в палате общин в 1815 г. Из этой

речи мы узнаем, как несколько лет тому назад один лондонский приход заключил договор с ланкаширским фабрикантом, при чем последний обязался в закупаемых им детских партиях принимать на 20 здоровых детей одного идиота. («Детский труд», стр. 26, примечание).

На фабриках дети помещались в тесных и вонючих помещениях. Пища самая отвратительная. Случалось, что дети забирались в свиные хлева и поедали свиной корм.

Паровой двигатель.

С изобретением и применением в промышленности нового двигателя—парового—условия производства изменились. Вместо того, чтобы строить фабрики где-то далеко от населенных пунктов, на берегу реки, сейчас ее можно было устроить, где кому заблагорассудится. В связи с этим вопрос о приходских детях потерял для фабрикантов исключительную важность, какую он безусловно имел до применения парового двигателя.

Безобразные формы эксплоатации детского труда очень скоро заставили о себе говорить. Оппозиционные фракции нижней палаты использовывали это обстоятельство всегда, когда это было необходимо. К этому времени широкую пропаганду за законодательное ограничение детского труда впервые начинает Роберт Пиль. Это было всего лишь несколько лет спустя, после того как в 1796 г. Уильям Питт на жалобы фабрикантов на недостаток «рабочих рук» ответил: «берите детей».

Перемещение фабрик из глухих районов делало явным то, что вчера так незаметно скрывалось от широ-

кой публики. Факты невиданной в истории эксплоатации заставляют содрогаться всякого, кто только не связан с капиталистическими группами.

Случаи калечения детей машинами принимали массовые размеры. Заболеваемость в Манчестере приняла такие размеры, что почти все дети переболели тифом.

Положение детей.

«...В некоторых крупных фабриках, — говорит сын Роберта Оуэна, знаменитого социалиста-утописта,—четвертая или пятая часть детей представляла из себя калек или оказывалась изуродованными в той или иной форме, или же изнемогала под бременем непосильных трудов, подвергаясь притом иногда самому жестокому обращению. Младшие из детей с трудом выдерживали более 3—4 лет, не подвергаясь тяжелым заболеваниям, часто оканчивающимся смертью».

Надзиратели жестоко обращались с детьми. Вечно с плетьми в руках и со свистком в зубах они наводили ужас на детей. Рабочий Роберт Блинко, с 7 лет работавший на фабрике, рассказывает, что любимым наказанием надзирателя было бросать деревянные цилиндры в головы ребят. Цилиндры эти, составлявшие одну из частей ткацкого станка, нередко разбивали детям голову до крови. Когда детям удавалось залеплять кровавую рану на голове пластырем, один из надзирателей, «страшный доктор», как его называли, забавлялся тем, что сдирал эти пластыри с незаживших еще ран.

Детям в наказание очень часто связывали руки, привязывали к рукам одну из ног и заставляли прыгать на

другой свободной ноге. Если быстрота бега не удовлетворяла надзирателя, он бил малолеток по спине кулаком или бросал в голову деревянные цилиндры.

Но этим не исчерпывались те пытки, которыми орудовали приказчики буржуазии. Очень часто детям щипали до крови уши, сжимали уши и нос ручными тисками и заставляли детей работать с таким украшением. Пытавшихся бежать и пойманных заковывали в цепи.

Один из лордов, Шефстбери, так говорит о фабричных детях: «Мой знакомый как-то раз собрал их в одном месте, чтоб я мог посмотреть на них. Это было доводящее до слез зрелище: их уродства казались просто невозможными. Их искалеченные фигуры представлялись мне каким-то рядом искривленных букв».

Закон 1802 г.

Наконец, в 1802 г. был издан закон «для охранения здоровья и нравственности учеников на хлопчато-бумажных фабриках». Согласно закону, все комнаты фабрики должны были быть выбелены известью два раза в год и вентилированы; ученик получал пару платья, необходимое количество белья, чулок, шляп и башмаков; дневной труд не должен был превышать 12 часов в день, начинаясь не раньше, как с 6-и и кончаясь не позже 9-и часов вечера; в одной кровати должно было спать не больше двух лиц; ученики на первое время обучались чтению, письму и арифметике, при чем время, употребленное на это занятие, вычиталось из рабочего времени ученика; в течение ученичества ученик аккуратно испол-

нял религиозные обязанности, каждое воскресенье обязательно посещал церковь и пр.

Этот закон, распространяясь исключительно на детей, занятых в хлопчато-бумажной промышленности, брал под свою защиту так называемых учеников, детей, пришедших из приходов; что касается остальных детей, то о них в законе ни слова. Разве недостаточно того, что у них имеются родители, которые сумеют постоять за них. Так думало правительство капиталистов.

Теперь нам становится понятным, почему буржуазия так раздобрела. Фабрики теперь находились в населенных пунктах, так как применялись паровые двигатели, а не водяные; рабочей силы—детей бедняков, беспризорных—сколько угодно. Машина постаралась выбить кусок хлеба из рук кустаря. «Железный человек», правильно говорят в этих случаях, с'ел человека из плоти и крови.

Так почему же буржуазии, ее правительству не проявить теперь человеколюбия? И вот издается закон, регулирующий труд малолетних, взятых из приходов, как раз в то время, когда приходские ученики теряют свое прежнее значение.

Положение малолетних ничуть не улучшилось со времени издания закона 1802 г. Не было никакой инспекции, никто не чувствовал себя ответственным за его проведение.

«Гуманная» буржуазия.

После некоторого затишья, в связи с одержанной победой, изданием закона 1802 г., начинается снова агитация за регулирование труда малолетних, за создание

законодательным путем мероприятий, спасающих молодежь от вырождения. Эта агитация и сейчас возглавлялась Робертом Пилем. Причины выступления Роберта Пиля в защиту малолетних обычно об'ясняют его личными качествами, добросердечностью, гуманностью, человеколюбием и пр. Для того, чтобы не вводить себя в обман насчет добрых чувств представителей буржуазии, внимательно прочтем следующую выдержку из произнесенной им в 1816 г. в парламенте речи: «Известно, что дети самого нежного возраста стаскиваются с своих постелей за несколько часов до восхода солнца и запираются в фабриках не менее как на пятнадцать часов; известно также мнение медицинского факультета, что дети моложе восьми или девяти лет не могут выносить такой тяжелый труд без вреда для своего здоровья и организма. Предприниматели, заставляющие детей работать на фабриках, видят их со дня-на-день и поэтому не в состоянии судить о приносимом детям вреде так, как посторонние лица, на которых вид фабричных детей производит всегда сильнейшее, удручающее впечатление. Вследствие этого, Манчестер, доставлявший раньше множество рекрутов в армию, оказывается теперь совершенно непроизводительным в этом отношении. Фабричный труд мешает детям достигнуть их полного роста».

Роберт Пиль наивно полагал, что английские фабриканты так-таки не замечали, как вырождаются, заболевают и хиреют фабричные дети. Они были слишком жадны для того, чтобы суметь, подобно Роберту Пилю, Остлеру, Оуэну и другим, видеть, что буржуазное общество

лишается полнокровных солдат, что быстрое и полное вырождение молодого поколения грозит потрясти всю буржуазную систему эксплоатации.

Закон 1819 г.

После того как в палате общин систематически проваливали все проекты, какие предлагались, в 1819 г. был издан закон, согласно которому с 1-го января 1820 г. ни один ребенок моложе 9 лет не принимался на бумажно-прядильные фабрики и дети моложе 16 лет не должны были работать более 12 часов в день. Несколько раньше, в 1816 г., закон о 9-летнем минимуме был установлен исключительно для приходских учеников.

Несмотря на то, что палата общин издала постановления, ограничивающие эксплоатацию детей, последняя лишь в малой степени ослаблялась. Спустя 25—30 лет и позже мы часто встречаем далеко не лучшие условия труда малолетних.

С. Вебб в своей книжке «Положение труда за последние 60 лет» рассказывает, что в 30-х годах прошлого века нередки были случаи, когда малолетние работали на фабриках не только, сколько и взрослые, но и значительно больше. В 1831 г. мальчики нортумберландских копей, получавшие поденную плату, были удерживаемы за работой от 14 до 17 часов в сутки, тогда как взрослые углекопы, получавшие плату за топку, трудились до 10—12 часов (см. назв. сочин., стр. 12).

Под влиянием пробуждавшегося рабочего движения вопрос о детском труде снова начинает занимать большое место. Много статей и речей пишется и произносится именно в этот период.

Ричард Остлер.

Впервые на арену борьбы выступает, впоследствии популярный в рабочих кругах, «король фабричных детей» Ричард Остлер.

В одной из газет Ричард Остлер в 1830 г. поместил статью, озаглавленную «Рабство в Иоркшире». Этот заголовок сам по себе возбуждал колоссальный интерес именно в тот момент, когда Ричард Остлер взялся за дело. Общественное мнение Англии было занято борьбой чернокожих за свое освобождение в Вест-Индии (в Америке). Всякий, кто прочитывал газету, вынужден был принимать живейшее участие в обсуждении вопроса о рабстве.

И вот, совершенно неожиданно и непонятно, в популярной и всеми уважаемой газете появляется статья с позорным для страны заголовком.

«Тысячи наших собратий и сограждан,—пишет Остлер,—мужчин и женщин, несчастные жители Иоркшира, в настоящую минуту находятся в состоянии рабства, гораздо более страшного, чем рабство в колониях. Эти люди проводят свою несчастную жизнь, не возбуждая ни в ком сострадания, в местности, известной своей религиозностью, в которой агитация против рабства сильнее, чем где-либо, и где кажущейся благотворительности жителей настолько же удивляются здесь на земле, насколько ужасаются на небесах ее действительной жестокости. Те же улицы, по которым ходят члены антирабских обществ, каждое утро орошаются слезами фабричных детей—жертв проклятой жадности. Эти слезы вынуждены

не бичом надзирателя негров, а столь же сильным страхом перед бичом фабричного надзирателя. Полуодетые и полуголые дети спешат в эти склады рабства—на фабрики—в город и в его предместье—Бредфоро. Бедные дети... Вас действительно приносят в жертву жадности. Вы свободны не более негров, потому что работаете столько, сколько заставляет нужда ваших голодных родителей и бессердечная жадность ваших варваров-хозяев. Вы живете в стране, хвастающей своей свободой, и вы сознаете, что вы рабы». (См. К. К. Суздальцева «Ричард Остлер», стр. 12).

Однако находились такие господа, которые умели не только эксплоатировать, но и выдавать это рабство за рай, рисовать жизнь рабочего подростка в таких розовых тонах, что порой кажется, будто буржуазия все свое время и внимание употребляла на то, как бы только получше обставить условия труда подростка.

Адвокаты буржуазии за работой.

«Доктор Уре,—говорит Энгельс,—этот буржуа, так описывает детский труд: «Я посетил много фабрик в Манчестере и его окрестностях и нигде не видел, чтобы там били или дурно с ними обращались и даже не видел угрюмых детей. Все они производили впечатление веселых, оживленных, легко напрягающих свои мышцы и пользующихся в полной мере присущей их возрасту подвижностью. Арена промышленности не возбуждала во мне никаких печальных чувств, а, наоборот, всегда действовала на меня ободряющим образом. Было восхитительно смотреть, с какой ловкостью они связывали

порвавшиеся нити, когда челнок возвращался, и как забавлялись они, после того как их нежные пальчики, поработав пару секунд, принимали всевозможные положения, пока вытягивание и наматывание ниток снова не было готово. Работа этих воздушных эльфов казалась забавой, очень ловкой и искусной, благодаря упражнению. Сознавая свою ловкость, они с удовольствием показывали ее каждому постороннему. Усталости не было ни следа: уходя с фабрики, они на первой же площадке для игр начинают резвиться с той же живостью, с какой на ней играют школьники, возвращающиеся из школы». («Детский труд», стр. 36).

Кто же прав—Остлер или доктор Уре? Пусть беспристрастный ответ на интересующий нас вопрос дадут факты, рисующие жизнь малолетних.

Факты. Комиссия Сэдлера.

Под влиянием усилившейся агитации, неутомимой работы Ричарда Остлера, палата общин, отклонив очередной проект, организовала было комиссию для ознакомления с положением детей под председательством Сэдлера.

Комиссией был допрошен ряд лиц, близко стоящих к фабричному делу. Ознакомившись с этими данными, мы можем дать себе ответ, кто же прав: Ричард Остлер, которого, по замечанию Энгельса, любила широкая масса рабочих («не было ни одного ребенка, который не знал бы и не почитал бы его и вместе с другими не отправлялся бы с процессией встречать его, когда он приезжал в город), или доктор Уре.

Вот что рассказывает комиссии Сэдлера надсмотрщик Джем Петерсон:

«Я живу в Денди; мне двадцать восемь лет и я занимаю место надсмотрщика на заводе. Я с давних пор знаком с фабричною системою в Денди и в соседстве. В десятилетнем возрасте я поступил на фабрику. Я работал в чесалочном отделении, где было очень пыльно. Мне приходилось работать четырнадцать часов и быть запертым на фабрике в течение пятнадцати часов со включением часа, употребляемого на еду. Я страдал от недостатка дыхания, от удушья в груди и был вынужден вследствие этого бросить фабрику. Другие дети страдали подобно мне. У меня был брат, который работал подобным же образом и был вынужден покинуть фабрику вследствие дурного состояния своего здоровья; он вслед за тем слег и умер от чахотки. Доктор сказал, что чахотка вызвана его занятиями. Мой брат умер в восемнадцатилетнем возрасте, от природы он обладал хорошим организмом».

Далее свидетель рассказывает подробности своей работы на заводе в Дентрушире. Время работы устанавливалось предпринимателем, при чем рабочие не имели возможности следить, работают ли они положенное число часов или больше. Когда у одного из рабочих оказались часы, хозяин отобрал их у него «на хранение». К концу дня детей пробуждали от сонливого состояния ударами бича. Ночью их помещали в душное и темное помещение, при чем ключи, для того «чтобы дети не убежали», хозяин брал с собой. В течение работы дети находились под стражей.

Неудивительно, что дети при всяком удобном и не-

удобном случае пытались бежать. Но большей частью бежавшие возвращались обратно и тогда условия их жизни ухудшались в несколько раз. Их наказывали плетьми, бросали на пол и били руками и ногами.

Один из свидетелей Бенжамен Геммерсиль, работающий на шерстяной фабрике, показал комиссии свои искривленные ноги, которые он нажил себе стоячей работой с 9 лет от 6 до 7½ и до 8 час. вечера. Этот же свидетель рассказывал, с каким ожесточением бил его надзиратель, удары увеличивались и усиливались к концу дня, когда, изнуренные чрезмерной работой, они не могли работать так энергично, как с начала рабочего дня.

Елизавета Бентлей маленькой девочкой 6 лет поступила на льняную фабрику. Работа длилась от 5 час. утра до 9 час. вечера, и только в те дни, когда почему-либо на фабрике было мало работы, они были заняты с 6 час. утра до 7 час. вечера, но это бывало редко. «Мне случалось видеть,—говорит свидетельница,—как надсмотрщик шел в конец комнаты, где работали маленькие девочки, как он брал свисток в зубы, а плеть в руки, а иногда брал цепь и связывал детей, и затем стегал их плетью по всей комнате, всех по очереди».

Отчет комиссии занял 3 тома. Однако, для палаты общин и этого было недостаточно: была создана новая комиссия, которая вынуждена была закончить свою работу в возможно короткий срок, так как слишком вопиющи были факты, собранные Сэдлером, чтобы этим вопросом не заинтересовались широкие массы населения.

Закон 1833 г.

Наконец, в 1833 г. был издан закон, положивший начало некоторому улучшению положения рабочей молодежи. Сейчас сделать это для буржуазии было значительно легче, так как машинное производство, конкуренция сумели создать значительные кадры безработных—«резервную армию».

Согласно закона 1833 г., к 1 января 1834 г., исключая детей, занятых в шелковых фабриках, дети могут работать в возрасте не моложе 9 лет По истечении 6 месяцев дети до 11 лет работают не больше 8 часов в день; по истечении 10 месяцев это постановление распространяется на детей до 12 лет, а через 30 месяцев—до 13 лет.

На этот раз выделены уже 4 фабричных инспектора, обязанность которых наблюдать за проведением законодательства. Работа от 13 до 18-летних ограничена 12 часами, а ночной труд воспрещен как для малолетних, так и для подростков.

Размеры детского труда.

В 1816 г. в Шотландии на 10.000 рабочих было занято 4.580 детей моложе 18 лет. В 1834 г. на 380 текстильных фабриках Шотландии на 46.825 рабочих приходилось 13.720 подростков (от 13 до 18 лет) и 7.400 детей в возрасте до 13 лет.

Много детей было занято в одной из вреднейших отраслей промышленности—в горной.

По переписи 1841 г. число занятых в горных промыслах Великобритании (кроме Ирландии) составляло:

Данные переписи в 1841 г.	Женщин. старше 20 лет.	Женщин. моложе 20 лет.	Мужчин старше 20 лет.	Мужчин моложе 20 лет.	Всего.
В каменноуг. копях . . .	83.408	32.475	1.185	1.165	118.233
„ медных рудниках . . .	9.866	3.428	913	1.200	15.407
„ свинцовых „ . . .	9.427	1.932	40	20	11.419
„ железных „ . . .	7.733	2.679	224	73	10.949
„ оловянных „ . . .	4.602	1.349	68	82	6.101
„ различных других, при которых не приведено название добываемого минерала	24.162	6.591	472	491	31.616
Итого . . .	139.238	48.454	3.102	3.031	193.825

(Цит. по книге «Детский труд», стр. 73).

Смертность.

Соответственно тому, как увеличилось применение детского труда, колоссально увеличилась смертность детей. В Манчестере в начале 40-х годов 57% детей рабочих умирало, не дожив 5 лет, между тем как в высших классах умирало только 20% детей до 5-летнего возраста, а среди сельских жителей умирало детей до соответствующего возраста несколько меньше — 32%.

Во Франции.

Во Франции, как и в Англии и в других странах, «зарождение крупной промышленности ознаменовано кровавым избиением младенцев».

Как и в Англии, но в меньших размерах, и во Франции приюты начали продавать детей на фабрики. Приюты

во Франции имеют довольно длинную историю. Законом 1553 г. мастерам разрешалось брать себе второго ученика из числа детей, находящихся в приютах. В XVIII веке эти приюты превратились в государственные учреждения, и дети отдавались крестьянам, ремесленникам и купцам. В 1811 г. издается постановление отдавать детей на фабрики. Никакой регламентации труда тогда не было. Дети отдавались в полное распоряжение хозяев.

На бумаго-прядильных фабриках, например, дети работали от 6 и даже 5 лет по 14 и 15 часов.

Заинтересовалась жестокой эксплоатацией детей и французская Академия Нравственных и Политических Наук, посылавшая несколько раз своих ученых для исследования положения рабочих. Эти делегаты констатировали ужасное положение детей, указывая на 14 и 15-часовой рабочий день, «крайне вредно отражающийся на здоровьи и нравственности рабочих, особенно юного возраста».

После всех этих описанных ужасов академики преспокойно перелистывали ученые труды, загораясь благочестивым негодованием.

В 1837 г., наконец, и официальные круги заинтересовались применением детского труда. В 1838 г. министерство торговли обнаружило на фабриках 6-летних детей. В департаментах Эна, Марны, Вогезов и в некоторых других,—детей принимали на работу с 7 лет.

12-го января 1841 г. министр торговли так оправдывал применение детского труда:

«В особенности не следует упускать из вида, что допущение детей на фабриках с 8-летнего возраста является для родителей средством надзора, для детей

началом обучения, для семьи — источником дохода... Привычку к порядку, к дисциплине и труду следует приобретать спозаранок, а большая часть промышленных ремесл требует ловкости, быстроты, чего можно добиться только путем достаточно продолжительной практики, которую иногда нельзя считать слишком рано начатой... Ребенок, поступивший в мастерскую в восьмилетнем возрасте, приучившийся к работе, приобревший привычку к повиновению и обладающий начатками первоначального образования, в десять лет будет более способен переносить усталость, более ловок и обучен, чем ребенок тех же лет, который до тех пор воспитывался в праздности и лишь впервые надевает рабочий передник».

Господина министра, вероятно, мало смущало, что в 40-х годах четырех и пятилетние мотальщики основ падали от истощения на станки. Рабочий день детей длился 13—16 часов.

В Нормандии на 100 новобранцев «годных» приходилось «негодных» 166.

В Мюльгаузене средняя продолжительность жизни рабочего — 25 лет, а для остальной части населения—36. Таким образом, 11 лет жизни — это та жертва, которую буржуазия требовала и получала от каждого рабочего.

И служители богов не гнушались подзаработать на детском труде. Епископ Нанси пишет Римскому двору, что в «заведении» «Доброго Пастыря» молодым девушкам не дают ничего даже после того, как они заработали для учреждения много денег в течение 5, 10, 15, 20 лет. Их выставляют за двери без всяких

средств, не озаботясь приисканием для них места... Монахини не преследуют никакой иной цели, кроме зарабатывания денег... Этих молодых девушек заставляют работать... ежедневно гораздо большее время, чем это разрешается гражданскими законами, и когда инспектор труда требует допуска в дом, то из рабочих помещений удаляют молодых девушек, не достигших 12-летнего возраста. От других требуют, чтобы они в течение нескольких месяцев в году жертвовали частью своих каникул под тем предлогом, что есть спешная работа; в этих случаях им даются обещания, которых не выполняют». (См. Пьер Бризон. стр. 364—365).

Закон 1841 г.

Только 22-го марта 1841 г. издается первый закон, разрешающий применять труд детей только с 8-летнего возраста. Этот закон распространяется на предприятия, насчитывающие свыше 20 рабочих. От 8 до 12 лет дети должны работать 8 часов; от 12 до 16 лет—12 часов; ночная работа разрешается в исключительных случаях с 13-летнего возраста. Если добавить, что инспекторами труда были люди выборные из среды заводчиков, у нас не останется ни тени сомнения в том, что закон этот не проводился.

После закона.

В подтверждение нашей мысли, приводим из сочинения Пьера Бризона отрывок из «Докладных записок учителей», относящихся к 1861 г.

«Я видел пятнадцать мальчиков, состоявших при мотальной машине. Они были посажены на очень высокие табуретки, чтобы помешать им слезать с них и держать их внимание в более напряженном состоянии. Перед каждым мальчиком были три или четыре бобины, и они все время вдыхали в себя частицы пряжи. Один из детей, немного помоложе, вертит колесо, и я видел, как его бедное тельце изгибалось и пот выступал на полном печали лице...»

Долгую и упорную борьбу пришлось выдержать рабочему классу Франции, покуда ему удалось повысить минимальный возраст малолетних.

Только в 1874 г. вводится закон, запрещающий фабричный труд детям моложе 10 — 12 лет.

Хронология.

Законодательство, ограничивающее применение детского труда, возникало в разных странах в следующем порядке:

в Англии — в 1802 г.,
в Германии — в 1839 г.,
во Франции — в 1841 г.,
в России — в 1845 г.

(См. главу «Детский труд в России»).

В Бельгии.

В Бельгии вопрос о регулировании детского труда встает в 40-х годах. Как и во всех странах, начато было с анкетного обследования, впервые опубликованного в 1846 г.

В своем докладе Медицинской Академии доктор Бургграв сообщает, что дети составляют одну треть всех рабочих. Из этого числа половина приходится на детей в возрасте 6 — 10 лет; другая половина — дети от 10 до 15 лет.

Дети получали нищенскую плату, зарабатывая от 4 до 8 коп. в день. Комитет, ведавший обследованием, констатирует: «Этого рода рабочие редко достигают возмужалости».

В угольных копях Боринажа занято было свыше 2.700 детей. Несмотря на то, что материалы были собраны в достаточном количестве, работа комиссии оказалась бесплодной.

Только через сорок лет, в 1886 г., под влиянием широкого массового движения рабочих, вышедших на улицу, приступлено было к анкетному обследованию.

Новые данные рисовали положение детей далеко не в лучших красках, нежели обследование 1843 года.

В кирпичных, дубильно-кожевенном, углекопном и т. д. производствах работают дети от 9 лет. В стекольном—11-летние дети. На веревочных заводах для верчения колеса использовывались 5-летние дети.

Ужасно было положение детей на фабриках фосфорных спичек. В то время производство этого рода было настолько несовершенно, что ядовитые газы наполняли рабочее помещение в такой степени, что нельзя было различать окружающих. Дети очень быстро заболевают. Болезнь выражается в омертвении костей, преимущественно черепа, начиная с нижней челюсти. Вся кровь отравлена и разносит этот яд по всему телу, но более

всего чувствительны к нему кости. Они мертвеют, разлагаются и гниют постепенно при живом еще организме.

Как и в других странах, от эксплоатации не отставали и божьи слуги. Монастыри устраивали школы кружев под видом благотворительных учреждений для призрения сирот и детей бедных. В 1845 г. в них было 45 тысяч детей, в 1896—50 тысяч, при чем там встречаются дети от 2-х лет. Заработная плата была до того ничтожна, что одна девочка за 2½ года работы получила 6 руб. 30 коп. Душное и темное помещение, удлиненный рабочий день, плохое питание расшатывали здоровье малолетних.

Только в 1884 г. издается первый закон, устанавливающий для подростков до 16 лет 12-часовой рабочий день, и только в 1840—1848 гг. для подростков, занятых в каменоломнях, каменноугольной промышленности и некоторых других отраслях, устанавливается 8-часовой рабочий день.

Во второй половине XIX века законодательство о труде малолетних делает значительный шаг вперед. Рабочий класс все больше начинает сознавать свой классовый интерес, пробуждается классовое рабочее движение, и буржуазия все более принуждается итти на уступки.

В настоящее время в Англии действует закон, по которому на работу принимаются дети с 12-летнего возраста. При чем в каменноугольной промышленности на поверхности земли с 13, а под землей с 14-летнего возраста. В Бельгии существует сейчас тот же минимальный возраст, что и в Англии.

Действующий во Франции закон 1892 г. также устанавливает 12-летний минимум, но зато рабочий день здесь длится 10 часов.

Однако несмотря на то, что законодательство о детском труде значительно расширилось, у нас мало основания полагать, что проблема детского труда хотя бы в какой-нибудь степени решена.

Буржуазное законодательство обычно распространяется на фабрично-заводские предприятия, оставляя в стороне или делая существенные послабления по отношению к ремеслу, домашней промышленности, работе по личному услужению и пр. Между тем, рабочая молодежь перекочевывает в большом числе из предприятий, подведомственных законодательному регулированию.

Приводимая ниже таблица покажет нам движение несовершеннолетних рабочих в Германии, занятых на фабриках и в приравненных к фабрикам предприятиях:

Годы	Дети от 13 до 14 лет.	Подростки от 14 до 16 лет.	Несовершеннолетние от 16 до 21 года.
1890	27.485	—	—
1892	11.212	208.835	578.421
1893	5.911	213.959	600.944
1894	4.259	209.715	599.167
1895	4.327	219.422	618.906
1896	5.312	239.548	668.301
1897	6.151	259.570	711.677
1898	7.072	276.386	749.808
1899	7.408	245.145	788.540
1900	9.347	334.847	890.711
1901	9.528	341.483	912.742
1902	8.077	316.303	852.309
1903	8.919	327.919	882.895

Дети и подростки.

Если взять данные за 1892—1903 гг., мы получим следующую картину. Дети на фабриках и на приравненных к фабрикам предприятиях до 14 лет уменьшилось на 20%, подростков увеличилось на 57%, а старше 16 на 52%. Подростков, занятых в производстве, в 40 раз больше. В 1902 г. дети составляли 0,16% к общему количеству рабочих; в 1903 г.—0,17%; процент подростков с 6,5% дошел до 6.4%.

Число детей и подростков в процентном отношении уменьшилось. Зато в ремесле и в домашней промышленности детей занято чрезвычайно много.

В 1890 г. до 14 лет промышленным трудом вне фабрик занято было 544.283 человека. В это число не входят дети, занятые в сельском хозяйстве, которых в 1895 г. было 135.126, и занятых в качестве домашней прислуги 33.501.

Под влиянием закона 1891 г., распространявшего 12-летний минимум и на мастерские, вместо 27.485 детей до 14 лет, занятых в 1890 г., в 1894 г. их осталось 4.259 человек.

О том, что детский труд в сельском хозяйстве и торговле в Германии растет быстрее, чем в промышленности, показывает следующая таблица:

	Сельск. хозяйство.		Промышленность.		Торговля.		Итого.	
	Годы.							
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Наемн. рабочие до 20 лет . .	30,51	32,61	28,41	28,80	23,09	25,03	29,20	30,11

Детский труд применяется в сельском хозяйстве и ремесле в большом количестве, потому что инспекторский надзор здесь слабее, рабочий класс распылен, и поэтому труд малолетних может беспрепятственно обогащать предпринимателей.

Разлагающееся ремесло держится на дешевом труде подростков. Этот вывод вынужден сделать и буржуазный экономист В. Зомбарт. Приводимые им цифры не оставляют в этом никаких сомнений:

Промыслы.	Взрослых рабочих.	Малолетних рабочих, моложе 16 лет.	На 100 взросл. рабочих приход. незрел. рабоч. сил.
1. Слесаря	19.593	29.437	150,2
2. Цирюльники и парикмахеры	19.686	19.707	100,4
3. Обойщики	6.160	5.620	91,5
4. Книгопечатники	3.968	3.619	91,2
5. Шорники и седельщики	16.505	14.301	86,6
6. Жестяники	14.863	12.882	86,6
7. Переплетчики	7.245	6.213	85,6
8. Медники	2.522	2.123	84,2
9. Портные	90.002	67.903	75,4
10. Кондитеры	5.513	4.127	74,9
11. Часовщики	6.328	4.713	74,6
12. Столяры	72.303	52.750	72,9
13. Живописцы (разрисовка комнат)	26.431	19.021	72,1
14. Токари	5.843	4.170	71,3
15. Кузнецы (подков.)	55.874	40.511	70,7
16. Бондари	10.136	6.891	67,9
17. Стекольщики	5.652	3.744	66,2
18. Тележники	22.820	14.628	65,8
19. Башмачники	77.441	50.528	65,2
20. Пекаря	74.986	48.140	64,2
21. Мясники	54.942	32.401	58,9
Итого в 21 пром.	598.813	443.039	73,9

Если сравнить процент малолетних, занятых в промышленности, с теми же данными по отношению

к ремеслу, то общая картина развития пред нами предстанет совершенно ясно.

На каких работах заняты дети в торговле? По данным 1898 г., по той же Германии из 17.623 детей—13.052 составляют помощники пастухов, чернорабочих и т. д., 3.524 по разносной торговле. Из 135.830 детей-разносчиков 13.526 разносят молоко, 42,837—булочные товары, 45.603—газеты.

Промысловый тупик.

Какую квалификацию получает на своей работе эта масса разносчиков и служащих торговцев? Абсолютно никакой. В Англии профессии, не дающие подростку определенной квалификации, называются профессиями «промыслового тупика».

Так, в Англии много подростков занято разноской телеграмм и исполнением всякого рода поручений, в качестве рассыльных. Так как эта работа никакой квалификации не требует, то в эту область привлекается масса дешевого детского труда. За 20 лет, 1881—1901 гг., число подростков, занятых в качестве рассыльных в правительственных учреждениях, увеличилось почти вчетверо.

Разноской правительственных телеграмм было занято в 900-х годах 17.000 подростков. Если до 1891 г. эти подростки через несколько лет могли попасть на службу в качестве почтальонов и телеграфистов, то в 1897 г. доступ был почти прекращен для них, так как вышел приказ, по которому половина вакансий на эти должности должна быть предоставлена выходящим в запас нижним чинам армии и флота.

До 60% подростков, прослуживших около 2-х лет разносчиками телеграмм, по достижении 16 лет снимались с должностей.

К разряду малолетних, находящихся в отраслях «промыслового тупика», следует отнести массу так называемых мальчиков на посылках. В Англии в 1901 г. этим трудом было занято 100.000 детей.

Как общее явление, замечается, что мальчики, занятые на этой работе, очень часто меняют место службы.

Много малолетних занято в качестве швейцаров или лакеев у входа в богатые магазины и рестораны.

«Целыми часами подростку,—замечает Швиттау,—приходится приводить стоя у постоянно открывающейся двери, рисковать своим здоровьем и постепенно терять в пустом отупении возможность дальнейшего умственного развития».

Но есть еще целый ряд других занятий, не открывающих подросткам перспективы более или менее обеспеченной работы в будущем. К этим занятиям надо отнести разноску и продажу газет, развозку товаров и кладей и пр.

По собранным в 1912 г. правительственной комиссией данным мы узнаем, что после 15 лет дети, занятые работой по транспортировке, удаляются с этих занятий.

Из обследования 1.155 подростков этим трудом было занято:

В возрасте:

от 12—13 лет	7	подростков
„ 13—14 „	201	„
„ 14—15 „	506	„
„ 15—16 „	257	„
„ 16—17 „	159	„
Старше 17 „	25	„

То-есть после 15 лет число подростков резко падает.

Как изменяется место приложения детского труда, видно из того, что с 1906 по 1908 г., т. е. за 3 года, на фабрично-заводских предприятиях Англии число лиц моложе 16 лет пало на 6,4%—с 385.315 до 360.610 душ.

Обратное явление замечается в подсобных отраслях народного хозяйства.

Посмотрим движение числа посыльных, носильщиков и сторожей моложе 15 лет в современной Англии:

	Мальчиков.	Девочек.	Всего.
В 1881 году	45.144	888	46.032
„ 1891 „	78.169	2.246	80.415
„ 1901 „	128.787	4.746	133.551

Прирост за последние 10 лет равен 66%.

Проблема «промышленного тупика» целиком и полностью может быть разрешена только в коммунистическом обществе. Все попытки благотворительных обществ Запада остались пустыми затеями.

Только при значительном ограничении труда малолетних, как мы это имеем сейчас у нас в России, и при широком развитии сети профтехнических школ можно частично разрешить вопрос о подростках, занятых в предприятиях «промыслового тупика».

К концу XIX века буржуазное общество занимается больше вопросами детской преступности, нежели вопросами детского труда. Именно в этот период во всех странах начинают создаваться даже особые суды для малолетних. Первый суд для

малолетних организуется в Сев.-Американских Соединенных Штатах в 1899 г., в той стране, которая последней ввела законодательство, ограничивающее эксплоатацию детского труда. До войны такие суды были уже почти во всех странах.

В Германии, напр., число осужденных несовершеннолетних в возрасте от 12 до 18 лет в 1882 г. составляло 30.719 чел., а в 1900 г.—48.657. На протяжении 22 лет конца XIX века преступность усилилась на 58,5%, а пропорционально к юношескому населению—на 39%, тогда как преступность взрослых за это время возросла на 25% (см. Люблинский—«Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте». Изд. 1923 г., стр. 10).

В Австрии за 20 лет до конца XIX века преступность среди детей увеличилась на 80%, во Франции за 50 лет (1830—1880) в возрасте до 16 лет—на 140%, в возрасте от 16 до 21—на 247%, тогда как преступность взрослых увеличилась на 127%.

Особенно много преступников поставляют посыльные, газетчики, чистильщики сапог, уличные торговцы, почтальоны, служащие в конторах, домашняя прислуга и друг.

За последнее десятилетие до войны, под влиянием некоторого улучшения положения рабочих масс, число малолетних преступников уменьшилось, но империалистическая война снова возвратила нас на многие десятилетия назад.

Война внесла значительное ухудшение в положении труда молодежи.

Если в Германии в 1907 г. мы имели 300.000 ремесленных учеников на 150.000 фабричных, то к 1921 г. это

соотношение изменилось как раз в обратном направлении.

Так как в угаре отечественного патриотизма господам фабричным инспекторам, а заодно и предательским профсоюзам, было не до наблюдения за нормами охраны труда, то в результате имелось увеличение числа малолетних на фабриках и усиление эксплоатации. К применению детского труда толкали те высокие барыши, которые предприниматели получали в течение войны.

Заработная плата рабочей молодежи уменьшалась в 2—3 раза, не покрывая и половины прожиточного минимума. Одновременно с тем, как рабочее время малолетних беззастенчиво удлинялось, росла материальная необеспеченность подростков и увеличивалась детская преступность.

Правонарушения мальчиков по годам в Берлине:

Абсолютные цифры.

Возраст.	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
12—14 лет . . .	108	236	379	399	372	206	260
14—15 „ . . .	330	512	1.022	963	1.389	590	783
16—18 „ . . .	456	450	906	1.340	2.110	1.217	1.994
Всего . .	894	1.198	2.307	2.702	3.871	2.013	3.037

Процентные отношения.

12—14 лет . . .	12,1	19,7	16,4	14,8	9,6	10,3	8,6
14—16 „ . . .	36,9	42,7	44,3	35,6	35,8	24,5	25,8
16—18 „ . . .	51,0	37,6	39,3	49,6	54,6	65,2	65,6
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100

С 1914 г. по 1918 г. число туберкулезной молодежи в городах Германии утроилось.

В конце 1921 г. в промышленных городах Верхней Австрии от 75 до 85% детей оказались истощенными.

В Германии с января 1914 г. по январь 1922 г. цены на предметы первой необходимости возросли в 40 раз, заработная плата взрослых возросла в 8—18 раз, а заработная плата учеников в 6—7 раз.

Цифры роста детской преступности, увеличение заболеваемости и падение заработной платы дают достаточное представление о степени эксплоатации труда детей в период войны и послевоенный.

Сотни тысяч и миллионы молодых рабочих были вырваны из заводской обстановки и посланы на убой в угоду буржуазии.

Какими жалкими выглядывают все эти законодательные «завоевания», которыми так кичатся буржуазные юристы. Они сметаются, как картонные домики, когда этого повелительно требуют интересы буржуазии.

Итоги буржуазного господства.

Подводя краткие итоги господству буржуазной эксплоатации, рабочая молодежь должна сделать раньше всего тот вывод, что законодательное разрешение детского труда при условии буржуазного господства ни в какой степени себя не оправдало.

В Англии через 105 лет, в 1907 г., после издания первого закона, было произведено медицинское освидетельствование детей. И что же оказалось?

Из всего числа исследованных, работающих по найму, в неделю:

	% ко всему числу.	Менее 20 час.	От 20 до 30 час.	Свыше 30 часов.
Больны переутомлением . . .	—	50%	81%	83%
Анемией	25%	34%	47%	45%
Серьезн. нервн. расстройств. .	24%	28%	44%	50%
Деформацией организма . . .	8%	15%	21%	22%
Серьезн. сердечн. болезнями	8%	11%	15%	20%

Внимательно прочитайте эту таблицу, и вы увидите резкую разницу в уровне здоровья работающих и не работающих по найму и непрерывный рост числа страдающих по мере увеличения продолжительности рабочего дня.

Проблема «промыслового тупика», интересующая сотни тысяч подростков, не находит себе разрешения в буржуазном обществе.

Решение этой жгучей для молодежи проблемы может дать только пролетариат, свергнувший господство буржуазии.

III

ДЕТСКИЙ ТРУД В РОССИИ

Цеховое ученичество.

Ремесло никогда не играло в России той роли, какую оно играло в Западной Европе. Россия не знала эпохи ремесленно-городского строя. Однако, уже издавна в России существовали ремесленники и ученичество, как подготовительная ступень для получения звания мастеров. Уже в XIV—XV столетиях в Новгороде и в Пскове мы встречаем дружину, которая состояла обыкновенно из главного мастера и его «другов»—дружинников или рядовых рабочих. В тот же период мы находим зачатки организаций гончаров, плотников в Киеве и в Новгороде. Однако цехов тогда еще не существовало. Отношения между мастерами и учениками регулировались частными соглашениями. Один договор, относящийся к XVII веку, дошел и до нас: крестьянин отдавал своего сына посадскому серебрянику учиться данному ремеслу на 8 лет с тем, чтобы мастер научил его всему, что он сам знает. За обучение отец вносит 20 руб., дает сыну белье,

отвечает перед мастером за совершенную сыном кражу. Мастер со своей стороны берет на себя обязательство по обучению ученика, его содержанию, требуя в договоре, чтобы ученик был послушным, покорным и безответным.

Уже в XVI веке в Москве намечаются некоторые попытки введения обязательного ученичества. Так, московские серебряники и иконописцы пишут: «А которые по се время писали иконы, не учась, самовольством и самоловкою... ино тем запрещение положить, чтобы учились у добрых мастеров».

Ученичество длилось обыкновенно 5 лет, при чем после ученья ученик должен был прожить некоторое время у мастера. По записи 1695 г., ученик скорняжного дела должен был прожить 5 лет у хозяина в ученьи, 6-й же год в работе, а при уходе должен был получить 10 р., кроме того мастер обязывался одеть и обуть ученика «по силе». Ученик колокольного дела в тот же период получал по 5 руб. в год, при чем деньги он мог взять, только отжив все годы. Ученик жил при мастере «на всем готовом», он должен был слушаться, исполнять все, что ему прикажут мастер, жена и др. Мастер получает право, в случае непослушания, «смирять по делу смотря».

К концу XVII века и первых десятилетий XVIII века мы имеем некоторое развитие цехов, особенно в Западном крае: Виленской, Витебской, Подольской, Могилевской, Волынской, отчасти Киевской губерниях. В Западных цехах условия приема в ученики во многом напоминают то, что мы встречали при изучении ремесленного ученичества в Западной Европе. Одним из условий

приема в ученики должно быть свидетельство в том, что данное лицо действительно является законнорожденным. Затем доступ в цехи был закрыт для сыновей крепостных, находящихся в личной зависимости от помещиков. Устанавливаются категории позорных профессий: банщики, цырюльники и др., дети которых не принимаются в ученики. Затем доступ в цехи закрывается для детей не христиан, при чем категорически не принимаются евреи и татары: Могилевские шорники в 1834 г. не принимали резников.

В 1722 г. Петр Великий разделил «регулярных» граждан на две гильдии. Ко второй гильдии были отнесены все торговцы и ремесленники. Последняя организуется в цехи по своим профессиям: «Каждое художество или ремесло свои особые цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей имеет, а над оными—«альдерманов» (старшин).

Цехи делятся на членов полноправных и неполноправных. К первым принадлежат мастера цехов, к последним подмастерья и ученики. Ученик обязан пройти семилетний срок ученичества, после чего он получает у мастера удостоверение в знании ремесла: о прохождении стажа подмастерья в законе 1722 г. ничего не говорится. После соответствующего испытания дается звание мастера. В цех принимаются все знающие ремесло без ограничений; что же касается крестьян, то и им разрешено вступать в цехи по пред'явлении отпускных писем от своих помещиков. Каждый мастер мог держать учеников и подмастерьев в неограниченном количестве. На основании закона 1722 г. цехи существовали свыше 60 лет. В течение этого времени зна-

чительное количество цехов развивалось. и для того. чтобы спасти положение, в апреле 1785 г. было издано так называемое «ремесленное положение», часть которого составлял действовавший до самой февральской революции закон. Согласно этого положения, доступ в ученики был свободен. Говорится только: «мастер да не примет ученика без двух свидетелей» и что мастер обязан его «представить управному старшине, где его спросят, как его зовут, имя и прозвание, откуда он уроженец, каких он лет», и внесут «в ученичью книгу; управный же старшина да прикажет ученику быть верным, почтительным мастерам и учиться ремеслу прилежно». По положению 1785 г., срок ученичества может быть не более пяти и не менее трех лет, при чем ученик не может быть выброшен мастером до конца срока обучения. В законе указано, что подмастерье должен наставлять ученика кротко и что они должны обходиться между собою мирно и тихо. «Подмастерье да не откажется ночевать вне дома своего мастера... наипаче запрещается ему сманивать с собой учеников в трактиры»—так гласит ст. 108. Если ученик или подмастерье оскорбит мастера «запрещенным обхождением с его женой или дочерью», то они подлежат наказанию полугодичным содержанием в смирительном доме. Для получения звания мастера надо было пройти ученичество во что бы то ни стало и стаж подмастерья, и только тогда, когда данному лицу исполнится 24 года. ему дается пробная работа, по ее выполнении подмастерье получает свидетельство на звание мастера. В законе 1785 г. мы не находим требования недопущения незаконнорожденных, ничего не говорится о позорящих

профессиях, однако несмотря на это в Западном крае эти требования все еще пред'являлись к ученику. В этих краях широко предоставлялись льготы сыновьям мастеров, подмастерьям, вступающим в брак с дочерью мастера или вдовой; несмотря на то, что издавна существовала рознь между учениками и подмастерьями, вероятно, кое-какие соглашения, совместные выступления против мастеров все же имели место. Этим можно об'яснить требования некоторых уставов о том, что не дозволяется соглашение между подмастерьями и учениками, направленные против хозяев.

Спустя 13 лет, в 1799 г., был издан новый устав о цехах, по которому для учеников устанавливается нечто в роде пробного периода. В течение этого периода ученик и мастер знакомятся друг с другом, с условиями работы, а затем уже приступают к заключению договора. За нарушение учеником цеховых правил (за кражу, мотовство, самовольную отлучку, пьянство, леность и грубость по отношению к мастеру и членам его семьи) введено наказание розгами. Этим же законом оговаривается, что за «нерадивое обучение учеников, за занятия их больше домашней работой, чем относящейся к ремеслу, за бесчеловечное обращение, за непредставление достаточного покоя и пищи и за порчу нравственности мастер может быть лишен права держать учеников на время или навсегда».

На практике ученики, понятно, чаще подвергались розгам, нежели мастера лишались права иметь учеников. Закон 1799 г., несмотря на то, что впоследствии делались многочисленные попытки изменить и пополнить его, регулировал ученичество вплоть до февральской революции.

Детский труд при крепостном праве.

При крепостном праве детский труд занимал чрезвычайно большое место. Когда в 30-х годах XVIII века начальник горных заводов Татищев предполагал сделать обязательным обучение детей мастеровых, известный заводчик Демидов обратился к властям с прошением:

«Обывательских детей от 6 до 12 лет в школах обучать охотников, а в неволю не принуждать, понеже такого возраста многие заводские работы исправляют и при добыче железных и медных руд, носят руду на пожоги, и в прочих легких работах и у мастеров в науках бывают». Власти на просьбу согласились, и в 1835 году дано было раз'яснение о том, что на частных заводах учить детей читать и писать только желающих.

В тех привилегиях, которые Петр Великий так часто давал на открытие фабрик и заводов, очень часто встречаются указания о наборе рабочих «из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню», но особенно большая масса учеников поставлялась из рядов так называемых солдатских детей.

Когда в 1767 году военная коллегия вошла в сенат с представлением: впредь солдатских детей на фабрики не отдавать, а совершеннолетних определять на военную службу, а малолетних—в гарнизонные школы, сенат с этим не согласился и постановил оставить детей на фабриках, предложив военной коллегии «иметь рас-

суждение о грозящем фабрикам упадке», если «оных школьников от тех фабрик, у которых приписных крестьян нет, отобрать». Из справки, представленной сенату, оказалось, что в 1749 г. на Московскую суконную фабрику было отдано из гарнизонной школы до 400 человек, а на другую суконную фабрику—102 человека в возрасте от 10 лет, с тем, что они должны были оставаться на фабриках до 20-летнего возраста (Балабанов, стр. 27).

Однако правительство было совершенно бессильно в первых десятилетиях XVIII века снабдить фабрики в достаточном количестве рабочей силой. Недостаток в этот период обострялся тем, что основная масса владельцев вербовалась из купцов, у которых не было ни земли, ни крепостных. И вот в 1721 г. издается указ, по которому беглым рабочим, бежавшим из-под крепостного ярма, дано право не возвращаться к своим прежним владельцам. Но так как количество беглецов все же было недостаточно, то очень скоро предпринимателям предоставляется право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни, на таких условиях, чтобы последние всегда оставались за предприятием.

Описывая свое посещение Нижне-Тагильского завода в 1742 г., немецкий географ Гмелин замечает, что «в проволочной мастерской малолетки от 10 до 15 лет выполняют большую часть работы и притом не хуже, чем взрослые. Это одно из похвальных учреждений господина Демидова, где все, кто только сможет работать, приучаются к работе. В Невьянском заводе я видел, — продолжает растроганный немец, — как мальчики от 7—8 лет выделывали чашки из желтого металла и раз-

личные сосуды того же металла. Вознаграждаются они соответственно своей работе». В 1744 г. московские суконные фабриканты заявили правительству, что они крайне нуждаются в рабочих и потому не могут своевременно поставлять товары в казну. Особенный недостаток чувствовался в малолетних рабочих 10—15 лет. Так как, получив рабочих и обучив их, фабриканты боялись, как бы рабочие кем-нибудь не переманивались, то вполне понятно их желание получить право пользоваться трудом рабочих в течение определенного количества времени. Туган-Барановский указывает, что фабриканту Тамесу дано право поступающих в ученики обязать пробыть не менее десяти лет (7 лет в качестве ученика и не менее 3 лет в качестве подмастерья) и только тогда они могут перейти на другие фабрики. Точно так же было и на других фабриках. На игольном заводе Томилина ученики должны были оставаться на заводе до совершеннолетия; ученики суконной фабрики Щеголина должны были пробыть 7 лет на фабрике.

Первое регулирование детского труда — указ 14-го мая 1799 года. Им предписывается отпускать казенным мастеровым Уральских заводов и их женам паек по 2 пуда хлеба (муки), а детям до 12 лет по 1 пуду в месяц по пониженной расценке. Дети мужского пола, достигнувшие 12-летнего возраста, должны употребляться к разбору руды и другим работам, соответственно силам каждого, получая паек и обыкновенную доныне плату. Детей же женского пола в отношении употребления к работам оставлять на усмотрение их родителей, отпуская им хлеб до 18 лет.

На Алтайских заводах мальчики 7-летнего возраста подлежали воинской повинности. «Начиная с ранней весны происходили набор и отправка детей на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрутов были Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске собиралось ежегодно до 500—600 мальчиков. Весну, лето, осень они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими работами; на зиму тех из них, родители которых могли учить у себя дома, отпускали месяца на четыре; остальные же до 10-летнего возраста, а с 1828 г. до 12-летнего возраста, должны были ходить в заводские школы... Сироты и те, кто не имел родственников, помещались обыкновенно в казармах, где им давался дядька и кашевар».

В 1765 г. дети до 15 лет получали 6 рублей в год, подростки старшего возраста — 12 рублей, при чем сверх этой платы никакого продовольствия не получали. Поденная оплата, которая также практиковалась в 1789 г., равнялась двум-трем копейкам для местных детей семилетнего возраста, а для подростков, прибывших из других мест, шести копейкам.

В 1803 г. заработная плата малолетних на Б. Ярославской мануфактуре равнялась в месяц 1 руб. 44 коп., ученика—1 руб. 63 к., в то время как мастер получал 8 р. 90 коп. Шелковая фабрика в селе Фрялове, так называемая Фряловская фабрика, оплачивала малолетних до 15 лет в 1802 г., занятых в качестве мотальщиков и трепальщиков—1 руб. 8 к., в 1818 г.—3 р. 9 к., а в 1820 г.—3 руб. 53 коп. в месяц. Однако эти цифры надо сопоставить с ростом цен на предметы первой необходи-

мости, после чего мы придем к заключению, что заработная плата всех рабочих, в том числе подростков, в среднем реально увеличилась на 25%.

О том, насколько был распространен труд малолетних, дают представление следующие цифры: на фабрике Угличанова в Ярославле, на которой работало 528 человек, малолетних было до 90 человек от 9 до 12 лет, не считая тех детей, которые работали на дому. На фабрике Лион в позднейшее время работало 800 малолетних из общего числа 3.150 рабочих, т. е. малолетние составляли 25% всего числа рабочих (см. Балабанова, стр. 89).

Несмотря на то, что царское правительство издавало ряд указов, в эксплоатации рабочей силы подростков царил полный произвол.

Когда в 1840 г. английское правительство запросило русское правительство, какие существуют в России постановления относительно рабочих детей на фабриках, то последовал ответ, что «так как в России производство фабричное еще не приняло весьма большого развития, то на наших заведениях еще не очень много работающих детей и в положительных законах о мере работы и других обстоятельствах еще не было настоятельной надобности».

Цитируя этот отрывок из ответа царского правительства, К. А. Пажитнов замечает:

«М. И. Туган-Барановский называет этот ответ «уклончивым», но это не то: тут мы имели дело не с уклонением от высказывания своего отношения к вопросу, а с умолчанием об имевшихся в России законах по регулированию детского труда... Повидимому, правительство Николая I стыдилось выступить перед Запад-

ной Европой с материалами, говорящими о крепостном праве, о принудительном труде. В глазах Европы это было действительно признаком отсталости, варварством...» («Положение рабочего класса», стр. 59).

Продажа детей.

Когда мы изучали ужасы приходского ученичества, торговлю детьми, читателю, быть может, показалось, что такие случаи имели место в Англии или еще в какой-нибудь стране, но только не у нас. Слишком кричащие факты, чтобы о них умалчивали. Однако в приказе 1775 г., изданном правительством по вопросу об общественном призрении, мы находим указание на то, что на руководителей сиротских домов возлагается обязанность отдать детей на всякие работы, на какие их только пожелают взять.

«Когда находили нужным,—говорит М. Балабанов,—оказать промышленности «царскую милость», вещественное выражение последней находили также в маленьких рабах. В ознаменование своего покровительства казенной бумажной фабрике в Петербурге Екатерина назначила на фабрику 20 мальчиков из воспитательного дома».

И у Туган-Барановского мы находим кое-какие указания на то, что в 40-х годах XVIII века практиковалась отдача в кабалу детей на 7 лет в качестве учеников. Дети эти обыкновенно поставлялись воспитательным домом. Воспитанники этих домов отдавались на фабрики с 12 лет до совершеннолетия, при чем фабрикант обязывался содержать их на свой счет и по истечении

известного срока по их поступлении давать им определенную (1 рубль в месяц) плату. «Какое значение для фабриканта имела возможность получения даровых работников из воспитательного дома, видно из того, что иногда при самом учреждении фабрики заранее выговаривались условия, что на фабрику будут определяться питомцы воспитательного дома».

Если в Англии ужасы приходских домов служили предметом усиленной агитации политических партий, то в России, где никаких партий не было и проблески политического сознания безжалостно душились, ни о каком протесте и речи быть не могло.

«Общественное мнение» того времени молчаливо обходило этот вопрос.

При крепостном труде ни о каком регулировании рабочего дня малолетних и говорить не приходится. Заработная плата ничтожна. Русские дети, как дети английских приходов, содержались в грязных, темных, вонючих конурах. Детей использовывали на самых неприятных работах. Если взрослые рабочие подвергались неслыханным издевательствам, то подростки были вдвойне подвергаемы им.

Когда на одного из служащих пожаловались, что он недостаточно быстро раздает материалы, Николай Демидов, крупнейший заводчик, положил резолюцию:

Нравы

«За то его, архибестию, нещадно плетьми, да и жену его, когда такая точно дурная и вредная наставница будет, точно же правда как пишут, то ее, как каналью, рассечь же плетьми».

Рабочих, почему-либо попавших в немилость, заковывали в цепи, навешивали колодки на шеи и руки, били палками и плетьми, а на Урале на ряде фабрик не редки были случаи убийства рабочих выстрелом из пистолета или засеканием.

Борьба против эксплоатации.

Не редки случаи, когда чрезмерная эксплоатация малолетних вызывает волнения не только среди малолетних, но и среди взрослых рабочих. На суконной фабрике Вигеля в гор. Воронеже рабочие жалуются на чрезмерную работу малолетних, которые поступали на фабрику с 10 лет и работали, по показанию самого приказчика, «по понедельникам с 1 ч. пополуночи, а в прочие дни начинали в 2 и 3 часа утра, а кончали в 9 часов».

Десятилетние дети работали на этой фабрике зимой по 15—17 часов, летом по 14—16 часов, с краткими перерывами.

Однако уже в далекие от нас времена рабочая молодежь, если не в массе, то в некоторой своей части, умела отстаивать свои права. Интересный случай имел место на Московской суконной фабрике в 1762 г. На фабрике начались волнения. Когда посланный для расследования юнкер Мещерский хотел подвергнуть наказанию жалобщика Андреева в присутствии мастеровых и работных людей, то так называемые солдатские дети, отданные для работы на фабрики, не дали этого сделать и затем избили назначенного для заведывания ими сержанта. После этого солдатские дети стали большими партиями уходить с работы. В отместку за «бунт», по указу

сената, были наказаны острогом и плетьми 18 учеников и 56 мастеровых.

Помимо случаев стихийного протеста, вызванных издевательством над рабочими, мы имели уже в 30-х годах прошлого века попытки участия в политической борьбе со стороны отдельных групп молодежи.

Так, в 1836 г. на заводе Лазаревых в Пермской губернии возник кружок из числа служащих, учителей и учеников горнозаводской школы. Преобладали ученики. Кружок этот выпустил воззвание, в котором клеймит крепостное право, гнет помещичьей власти с призывом свергнуть власть.

Кружок был пойман, и вскоре слушалось дело о противозаконном обществе в возрасте от 18 до 25 лет. Все составившие воззвание были посланы в финляндские солдаты, был наказан и целый ряд других лиц, в той или иной степени причастных к этому делу.

Когда на Вознесенской бумагопрядильне, недалеко от Москвы, произошли в 1844 г. крупные волнения, потребовавшие назначения правительственного расследования, то последнее обнаружило, что на всех вообще московских фабриках детский труд применяется довольно широко. На 23 бумагопрядильных фабриках и 10 шерстепрядильных работало до 3.000 детей обоего пола круглые сутки. Дети от 10 лет работали в ночной смене вместе со взрослыми рабочими.

Первый закон.

Под влиянием этих волнений царское правительство издало первый закон о малолетних—закон 7-го августа 1845 г. Все русские историки фабричного законодатель-

ства, за исключением Туган-Барановского, считают, что первый закон был издан в июне 1884 г. Однако это не так.

Закон 1845 г. запрещает попутно работу малолетних на фабриках до 12-летнего возраста.

Как же случилось, что историки фабричного законодательства не знали долгое время про существование такого закона? Закон 1845 г. никогда не проводили в жизнь, не было такого органа, задачей которого было бы наблюдение за проведением его. Больше того, этот закон не попал даже в свод законов. Ни один законодатель никогда его не отменял и никогда на него не ссылался. И если бы Туган-Барановский не извлек этого закона из «Полного Собрания Законов Российской Империи» и не опубликовал его, мы и до сих пор не знали бы о существовании этого закона.

Так царское правительство писало и исполняло законы, которые вызывались к жизни недовольством широких рабочих масс.

Как мы уже сказали, закон этот никакого изменения в положении рабочей молодежи не внес. Детский труд попрежнему эксплоатировался в широком размере.

Размеры детского труда

В начале 50-х годов в Петербурге на 55 табачных фабриках числилось 1.925 рабочих, в том числе 399 детей, т. е. 21%.

На Алтайских заводах в 1849 году, из общего числа рабочих 19.522, несовершеннолетних числилось 2.267, или 12%. Из них от 15 до 18 лет—546 чел.; от 13 до 15

лет—603 чел. и ниже—1.118 человек. При законодательном регулировании детского труда соотношение получается всегда как раз обратное: чем ниже возраст, тем меньше число рабочих, поставляемых данной группой.

Зарплата.

О заработной плате рабочей молодежи нам могут дать представление следующие цифры. В 1858 г. на бумагопрядильнях в Шуйском уезде зарабатывали:

Прядильщик взрослый	20 руб.	— коп.	в	месяц
Помощник его (18 лет)	7 „	50	„	„
Присучальщики (16 лет)	5 „	50	„	„
Забурашники (15 лет)	5 „	—	„	„
Ставильщики (14 лет)	3 „	50	„	„

Послереформенный период.

От издания первого фабричного закона 1845 г., о существовании которого не было известно даже царским чиновникам, по июнь 1882 г. до издания следующего закона о детском труде прошло 37 лет.

В течение этого времени комиссия царского правительства не раз из соображений полицейской охраны пыталась пойти на кой-какие уступки. Но в самые решительные минуты петербургские и московские фабриканты отводили руки царского законодателя.

Под влиянием усилившейся эксплоатации подростков по мере роста промышленности катастрофически увеличивалось число несчастных случаев с детьми.

Этот факт не мог, наконец, не обратить внимания

правительства, и в 1859 г. создана была комиссия для осмотра петербургских фабрик и выработки правил для труда малолетних. Факты были до того убийственны, что комиссия внесла проект (здесь обошлось не без влияния западно-европейского законодательства) о воспрещении принимать на работу лиц моложе 12 лет, при чем для лиц от 12 до 16 лет устанавливается 12-часовой рабочий день. Проект требовал установления инспекции для проведения этих решений в жизнь. Проект был передан в одну из комиссий министерства финансов и там и пропал.

Следующая попытка ограничения детского труда относится уже к 1870 г., когда снова была создана комиссия, на этот раз под председательством генерал-ад'ютанта Игнатьева.

И этот проект, требовавший запрещения детского труда до 12-летнего возраста, установления 8-часового рабочего дня для детей 12—14 лет, точно так же, как и предыдущий закон, затерялся, на этот раз в министерстве внутренних дел.

Следующая бесплодная попытка регулирования была проделана комиссией под председательством статс-секретаря Валуева. Как полагается царской комиссии, в нее вошли только представители чиновничества, фабрикантов, заводчиков, земства и др.

Проект этой комиссии был не хуже предыдущих: но дальше стен комиссии проект так и не пошел. На этот раз государственный совет не утвердил работы комиссии.

Так каждый раз, под влиянием недовольства со стороны рабочих, испуганное правительство как будто бы

бралось за улучшение их положения, но как только буря утихала, вместо лисьего хвоста законодателя выступала вперед волчья пасть полицейского.

Наконец, через 37 лет после издания всеми забытого закона 1845 г., через 23 года после создания первой комиссии (1859 г.), был опубликован закон 1-го июня 1882 г. По закону дети до 12-летнего возраста не должны приниматься на предприятия; от 12 до 15 лет в одних производствах труд малолетних не должен продолжаться больше 8 часов, в других—9 часов. Что же касается организации школ для малолетних, которые сплошь были безграмотны, то закон предоставил фабрикантам «право» открывать таковые.

Борьба среди фабрикантов.

Вокруг проекта закона 1882 г. разгорелась чрезвычайно большая и интересная борьба между петербургскими фабрикантами и московскими, вернее — провинциальными.

Петербургские настаивали на ограничении детского труда, провинциальные были против. Первые требовали запрещения ночной работы малолетних, вторые категорически возражали против такого распоряжения.

Москвичи так расценивали выступления петербуржцев:

«С.-петербургские фабриканты выставляли, как одно из важных последствий предлагаемой ими меры, поднятие производительности работающих на фабриках женщин и несовершеннолетних, но это указание сделано

ими для некоторого прикрытия их главной цели, имеющей далеко не филантропический характер».

Но те фабриканты, которые были против ограничения детского труда, очень обиделись бы, если бы их заподозрели в отсутствии добрых чувств. Все они в один голос заявляли, что дети лишаются «дисциплинирующего» влияния фабрики, что пребывание в светлых, просторных фабриках они заменят пребыванием в душных подвалах, что они превратятся в воров, попрошаек,—словом, они лишаются возможности сделать доброе дело, и что по существу дела они, провинциальные фабриканты, сердечнее, человеколюбивее петербуржцев.

Однако, в чем действительная причина спора?

Петербургские фабриканты работали при лучшем техническом оборудовании, нежели московские.

Поэтому последние могли выдержать конкуренцию петербургских фабрикантов только при усиленной эксплоатации детей. Зная это, столичные фабриканты пытались выбить этот козырь из рук московских и провинциальных предпринимателей, что им до некоторой степени и удалось.

До издания закона 1882 г. малолетних до 15 лет на фабриках Московской губернии числилось 11.630 чел., что составляло 11,5% всех рабочих, из них до 10 лет было 158 чел. Подростков 15—17 лет было 10.108 чел. или 10%. Итого рабочей молодежи, занятой на предпринятых, подведомственных фабричной инспекции, было 21.738 чел. или 21,5%, до 20 лет было занято 39,92%.

По Харьковскому округу малолетних до 15 лет было 3.325 или 12%, после закона 1882 г. этот процент пал до 5,19.

Однако, ознакомимся несколько ближе с положением рабочей молодежи в 80-х годах, в период быстрого развития капитализма в России.

Сведения мы будем брать из официальных материалов, собранных правительством в конце 1882 г., после опубликования закона. Царское правительство обратилось с «анкетой» к фабрикантам, заводчикам и владельцам мастерских. Ответы получены от 2.792 лиц. Эти данные тщательно разработаны Андреевым в его книге «Работа малолетних в России и в Зап. Европе».

Процент малолетних.

Процент малолетних, по данным Андреева, в различных производствах в начале 80-х годов представляется в таком виде:

Спичечное	33,2%
Стеклянное	24,8%
Фарфоровое	16,5%
Типографское	15,4%
Писчебумажное	9,8%
Сахарное	7,2%

В Киеве на небольшой табачной фабрике все 30 рабочих—дети от 12 до 15 лет.

Если взять бумаго-прядильное производство, то здесь мы имеем данные о 56 фабриках, на которых занято 95.394 чел. Насколько здесь был распространен труд малолетних, видно из того, что до 15 лет здесь было занято 12.197 чел. или 12,78%.

Были такие предприятия, напр., в Лодзи, рабочий состав которых включал 40—50% малолетних.

Рабочий день был чрезвычайно растянут. Малолетки работали от 6 ч. утра до 8 ч. вечера, а иногда с 5½ ч. до 7½—8 час., таким образом рабочий день длился 13—14 часов. Основная работа, на которой они были заняты, это—размотка пряжи на шпули, проборка пряжи, расстановка катушек в вальки, обязанности присучальщиков и пр. Плата колеблется от 13 до 16 коп. в день.

Не в лучшем положении были малолетки на бумаготкацких фабриках. На 22.929 человек рабочих, занятых на 40 фабриках, до 15 лет было занято 2.720 или 11,8%. Рабочий день здесь точно так же длился 13—14 часов. Малолетки безжалостно эксплоатировались мастерами, которые очень часто набирали их от себя и платили гроши, в 2—3 раза меньше того, что им платили фабриканты.

В еще большем количестве труд малолетних эксплоатировался в табачном производстве, наиболее вредном для организма несовершеннолетних. На 17.075 раб. (100 фабр.) до 15 лет было занято 2.334 или 13.66%. Заработная плата обыкновенно равнялась 10—30 копейкам в день, при 13—15-часовом рабочем дне.

Такую же картину эксплоатации мы откроем в любой отрасли промышленности, за изучение которой мы взялись бы.

Собранные в период 1882—83 г. И. И. Янжулом данные открывают перед нами следующую картину продолжительности рабочего дня малолетних по Московской губернии.

Следующая таблица ознакомит нас с рабочим днем малолетних по отдельным производствам:

	Работа бессменная	Работа смен. (день и ночь)		
	Дневная	Дневная смена	Ночная смена	Средн. раб. дня смены
Бумаго-прядильное	13—13½	12	12	12
Ткацкое	12½—13	—	—	—
Прядильно-ткацкое	13	12	12	12
Ситцевое, платочно-набивн. и красильн.:				
а) Ситцевое в тесном смысле	12—13½	13	11	12
б) Платк.-наб. и бум. красильное	11½ и 13½	9—12¼	8—13¾	11¼
Хлопчато-бум. произв. в полн. об'еме (кроме ситцев)	—	12	12	12
Шерсто-прядильн.	11½—13	12—13	11—12	12
„ ткацкое	10—13	12	12	12
Суконное	13—15	13—15	9—11	12
Шелковое	10—14½	—	—	—
Прочих смешанн. тканей и ковров	12—13½	—	—	—
Рогожное	18	—	—	—
Крас.-отбивн. аппрет.	12—14½	12	12	12
Химическ. и лаковое	13	12—13½	8	10⅜
Спичечное	12—13½	—	—	—
Парфюмерное	12½—13	—	—	—
Свечное и мыловар.	—	12—12½	10—12	11⅝
Пиво и медоварен.	11½	12	12	12
Произв. конфет и шоколада	11 ч. 45 м.—12	—	—	—
Сахаро-рафинадн.	—	12—12½	10—10½	11¼
Табачное	11—12	—	—	—
Писчебумажное	—	12	12	12
Производство обоев	13—13¼	—	—	—
Мебельно-рояльное	12½—13½	—	—	—
Челночно-токарное	12	—	—	—
Фарфорово - фаянсовое (кроме горновщиков)	9—15½	—	—	—
Стеклянное	13	12	12	12

Чрезмерно удлиненный рабочий день дополняется здесь нищенской оплатой труда малолетних. Несмотря на законодательное ограничение труда малолетних, дешевизна делает выгодным широкое его при-

менение. Мы помещаем ниже таблицу, заимствованную из книги того же Янжула «Фабричный быт Московской губернии».

Последствия законодательного ограничения.

После падения первых законов, регулирующих труд малолетних, в России замечается то же явление, что и на Западе. Масса малолетних переместилась из фабрик в мелкие предприятия, не подведомственные фабричной инспекции.

Если на бумагопрядильных фабриках в 1869 г. малолетних было 11%, то в 1900 г. процент падает до 5, зато в мелком производстве число малолетних и подростков возрастает.

Процентное отношение малолетних до 16 лет было следующее:

Производство	1869 г.	1900 г.
Производство мужского платья	21,0	21,1
„ женского „	25,2	26,1
„ шапочников	29,9	31,8

В 1900 г. подростков от 16 до 20 лет было занято:

обработкой волокнист. веществ	23,9
» металлов	21,5
в полиграфическ. производстве	24,5

Однако если кое-где и регламентировалось рабочее время, то зато заработная плата устанавливалась по произволу хозяина. Средний заработок взрослого рабочего в 90-х годах был 14 руб. 16 коп., подросток же

Средняя месячная заработная плата по производствам

№№ по пор.	МУЖЧИНЫ Фабрики	Зараб. в руб.	№№ по пор.	ЖЕНЩИНЫ Фабрики	Зараб. в руб.	№№ по пор.	МАЛОЛЕТНИЕ Фабрики	Зараб. в руб.
1	Гвоздильные заводы	$30^1/_4$	1	Шелковые фабрики	13	1	Гвоздильные заводы	$10^1/_2$
2	Машиностроительные	29	2	Табачные фабрики	$11^1/_2$	2	Табачные фабрики	10
3	Стеклянные заводы	24	3	Бумаготкацкие фабр.	$10^3/_4$	3	Машиностроительные	8
4	Зол. и сер. вещей фабр.	$24^1/_2$	4	Стеклянные заводы	$10^1/_2$	4	Красильноотб. аппр.	$7^1/_4$
5	Шелковые фабрики	20	5	Шерстоткацкие фабр.	$9^1/_2$	5	Бумагопрядильн. фабр.	7
6	Шерстоткацкие фабр.	$19^1/_2$	6	Бумагопрядильн. фабр.	$9^1/_2$	6	Шерстопрядильн. фабр.	$6^1/_2$
7	Табачные фабрики	$16^1/_2$	7	Шерстопрядильн. фабр.	8	7	Суконные фабрики	$6^1/_4$
8	Бумагопрядильн. фабр.	16	8	Суконные фабрики	9	8	Шерстоткацкие фабр.	$6^1/_4$
9	Фарфоровофаянсовые	$15^3/_4$	9	Смеш. и ковр. ткан.	8	9	Стеклянные заводы	$5^1/_2$
10	Суконные фабрики	$15^1/_2$	10	Ситц и плат. наб.	7	10	Ситц. и плат. наб.	5
11	Ситц. и плат. наб.	$15^1/_2$	11	Писчебумажн. фабр.	7	11	Фарфоровофаянсовые	4
12	Писчебумажные фабр.	$15^1/_4$	12	Красильноотб. аппр.	$6^3/_4$	12	Смеш. ткан. и ковр.	4
13	Бумаготкацкие фабр.	$14^1/_2$	13	Фарфоровофаянсовые	5	13	Шелковые фабрики	$3^1/_2$
14	Красильноотб. аппр.	$13^3/_4$				14	Писчебумажные фабр.	$3^1/_2$
15	Шерстопрядильн. фабр.	13				15	Бумаготкацкие фабр.	$3^1/_2$
16	Смеш. ткан. и ковр.	$12^1/_2$						
	Средним числом	$18^3/_4$		Средним числом	9		Средним числом	6

получал 52,33% этого заработка, а малолетний—36% или 5 руб. 11 коп.

Война внесла значительные изменения в положение рабочей молодежи. Число подростков значительно увеличилось. Если в 1913 г. подростков насчитывалось 297,000 или 11,1% в предприятиях с числом рабочих свыше 15, при наличии механического двигателя и не менее 30 при отсутствии механического двигателя, то в 1917 г. число подростков доходит до 348.000 или 12,1%.

Точно так же увеличилось применение труда в мелком производстве, ремесле и сельском хозяйстве. Если в 1915—16 году заработок подростка несколько увеличился, то зато очень скоро и быстро заработок начал уменьшаться, и приближение к довоенному уровню мыслилось только в идеале. Массовое нарушение законодательства, ночные и воскресные работы возвращают рабочую молодежь к периоду 60—70-х годов прошлого века.

Октябрьская революция поставила вопрос о детском труде во всю ширь. При этом не обошлось без некоторых ошибок. Под влиянием отчасти западноевропейского законодательства и требования социалистических партий был издан декрет, не отвечающий ближайшей перспективе, о полном запрещении детского и подросткового труда. Однако очень скоро ошибка была понята и исправлена.

Советское законодательство устанавливает 4—5-часовой рабочий день для малолетних до 16 лет и для подростков до 18 лет, чего мы не имеем ни в одном из государств Западной Европы. Сокращенный рабочий

день является базой поднятия культурного и политического уровня подростка. Но одно проведение ограничения рабочего дня не решает проблемы детского труда. Надо было разрешить вопрос об оплате подростков и о сохранении их рабочей силы в производстве. По смыслу нашего законодательства рабочий подросток оплачивается за 4—6-часовую работу, как за восьмичасовую. Мы раз навсегда покончили с тем, чтобы при оплате принимать во внимание возраст работающего. Тарифный разряд устанавливается по квалификации вне зависимости от возрастного положения. При определении сдельной оплаты и нормы выработки исходят из основного закона Республики, что за 4 и 6 часов подросток должен оплачиваться, как за 8 часов работы. Для того, чтобы убедиться, насколько проведен 4-х и 6-часовой рабочий день, мы приведем следующие данные медицинского освидетельствования 1923 года.

Возраст.	Число рабочих в %% к итогу.					
	4 часа и менее.	5 час.	6 час.	7 час.	8 час.	9 часов и больше.
До 16 лет . .	33,9	28,8	23,7	3,4	5,5	0,7
16—17 „ . .	8,8	13,2	67,6	1,9	8,1	0,3

Более точные цифры бюджетного обследования по Москве показывают среднюю норму расхода времени рабочего подростка в рабочий день—5 часов и 3 минуты, считая урочную и сверхурочную работу. Если бы мы ограничились декларативным изложением закона, возможно, что администрация предприятий, идя по линии наименьшего сопротивления, уволила бы то количество подростков, которое сегодня без особого вреда для предприятия может быть удалено. Такая близорукая

политика кое-кем в действительности и проводилась. И для того, чтобы удержать подростков в производстве, декретом ВЦИК'а установлена так называемая броня подростков. Например, по металлургии подростки должны находиться в производстве не меньше, чем в количестве 8% к общему числу рабочих; обработка хлопка—8%; обработка шерсти—8% и т. д.

Только установлением определенного порядка оплаты и бронированием подростков удается закрепить основное завоевание рабочей молодежи в России—4-х и 6-часовой рабочий день. Ни одно буржуазное законодательство в мире никогда не может пойти на издание таких законов.

Практическое проведение основных законов о труде молодежи гарнтируется однако не только вышеизложенными дополнениями, но и наличием массовой, крепко сколоченной организации рабочей молодежи—Коммунистического Союза Молодежи. При его участии пишутся все основные законы о труде подростков, на его плечи ложится основная тяжесть борьбы за его проведение.

Основным завоеванием Коммунистического Союза Молодежи следует считать создание школ фабрично-заводского ученичества. Сама идея организации этих школ, как и вся работа по их организации, принадлежит нашему Союзу.

В 1924 г. школами фабрично-заводского ученичества охвачено было около 50% всей рабочей молодежи, занятой в производстве. То, что возможно было сделать при существующей экономической разрухе, наследии гражданской войны, сделано и сделано руками самой рабочей

молодежи. Нет ни одного крупного предприятия, при клубе которого не было бы юношеской секции. В каждом губернском, уездном, районном городе имеются клубы РКСМ, в массе заполняемые рабочей молодежью. Эти клубы являются местом культурного и политического воспитания нового поколения рабочих. Одно существование организации РКСМ в России, веками не знавшей легальной рабочей организации, является фактором большого значения.

Перед рабочей молодежью России раскрыты величайшие горизонты. И по мере того, как наша страна будет оправляться от экономической разрухи, параллельно будет улучшаться положение рабочей молодежи.

IV

ДЕТСКИЙ ТРУД В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Бегло ознакомившись с положением рабочей молодежи в ремесле, в домашней промышленности в эпоху введения машин и с положением молодежи в период так называемого «мирного» развития капитализма, мы пришли к заключению, что все меры, вырываемые у буржуазии, не могут разрешить проблему детского труда.

Все законодательные мероприятия приводили к тому, что малолетние и подростки только меняли сферу приложения труда: вместо промышленности шли в торговлю и сельское хозяйство, и тем затруднялось проведение законодательных мер.

С развитием капитализма встал во весь рост вопрос о «промысловом тупике», разрешить который буржуазия не в силах.

Колоссальный рост детской преступности, безработицы, значительно большее количество несчастных случаев, падающих на долю молодежи, физическое вырождение и пр. дополняют безрадостную картину положения рабочей молодежи.

Только в коммунистическом обществе детский труд будет решен в интересах самой молодежи, в интересах всего трудового общества.

Не будет ли детский труд отменен? Нет, не будет. Целый ряд мелкобуржуазных социалистов Запада, в особенности английские, стояли за полное запрещение детского труда до 17—18 лет и эту позицию отстаивали на Копенгагенском (1910 г.) конгрессе II Интернационала. Это говорит только о том, что вместе с буржуазными демократами они не умеют даже правильно поставить вопрос.

25 лет тому назад К. Каутский писал:

«Капиталистическое общество стоит таким образом перед дилеммой: либо продать юношество капиталу и тем привести к гибели работников будущего, либо исключить малолетних из производства и тем серьезно повредить образованию их характера и трудоспособности. Капиталистическое общество удовлетворяется компромиссом: оно совершенно исключает из планов воспитания молодежи производительный труд детей до определенного возраста, об'являет с этого момента их воспитание законнченным и передает их для производительной работы, а это значит теперь—для капиталистической эксплоатации. На практике, — продолжает Каутский,—при своем вмешательстве в эту область социал-демократия до сих пор целиком стояла на почве этого компромисса. От благорасположенной к рабочим буржуазии она отличалась только тем, что стремилась чисто механически увеличить тот предельный возраст,

до которого работа детей безусловно должна быть запрещена».

Если в буржуазном обществе вопрос о детском труде живо затрагивает только одну часть юношества, пролетарскую, то в коммунистическом вопросы производительной работы трудового воспитания будут иметь в виду всю массу малолетних, подростков и юношей. Коммунистическое общество не знает деления на классы, оно и не знает деления подростков на предназначенных к труду и предающихся праздности.

Труд будет величайшим рычагом воспитания. Передача всех заводов, фабрик, машин в руки общества, уничтожение частной собственности на орудия и средства производства дадут в руки общества колоссальные средства, которые оно пустит в ход в интересах всего общества.

Энгельс в своем проекте «коммунистического манифеста» в «принципах коммунизма» так мыслил себе воспитание подрастающего поколения в новом обществе:

«Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребителей общества или их собственных склонностей. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда. Таким образом общество,—продолжает Энгельс,—организованное на коммунистических началах, дает возможность своим членам всесторонне применить их всесторонне развитые способности» (стр. 320 «Коммунист. Манифест». Изд. 1923 г. с прим. Рязанова).

Однообразной работе, на которую в массе привлекаются подростки и на которую они обрекаются в силу привитой им узкой специальности, будет положен конец.

Подлинная научная организация труда сумеет поставить каждого на ту работу, на какую он склонен по своему физическому развитию, психическому складу, наклонностям и пр., в противоположность тому случайному выбору занятий, который калечит людей.

Прав Ерманский, когда он капиталистическое общество называет сумасшедшим домом, где люди, которых следовало бы использовать в качестве матросов, оказываются пильщиками дров, где иной артист больше подошел бы к профессии пильщика, а извозчик был бы прекрасным певцом.

Коммунистическое общество не будет знать такого безразличного отношения к склонностям человека, к потребностям его организма.

Труд, который буржуазия сделала для массы трудящихся проклятием, а фабрику—тюрьмой, коммунистическое общество превратит в величайший источник радости и счастья людей.

Коммунистическое общество немыслимо без высоко развитой техники. Целый ряд неприятных работ будут выполняться технически усовершенствованными орудиями, отчего эта работа потеряет всякий след неприятности.

Буржуазия весь ученый аппарат, находящийся на ее иждивении, направляет в сторону улучшения военной техники. Никакая отрасль промышленности так бешено не развивается, как военная. Нигде не делаются

такие успехи в области техники, как в военной промышленности.

Коммунистическое общество не знает классов, а потому не будет знать и войны. О войнах будут говорить с таким же отвращением, с каким каждый из нас говорит о людоедстве. Не будет военной техники, не будет предназначенных для людей удушливых газов, лучей, сжигающих в воздухе аэропланы, бомб, начиненных бактериями холеры, 42-дюймовых орудий и пр.

Все силы общества будут направлены на то, чтобы в единицу времени создать как можно больше богатства. Человек сделается властелином природы. Труд потеряет все те отрицательные стороны, какими наделила его буржуазная эксплоатация.

В коммунистическом обществе рабочий день будет, вероятно, значительно меньше того дня, какой мы имеем в капиталистическом обществе. Но дело не в количестве рабочих часов. Те, кто с особым удовольствием рисует себе будущее общество с возможно меньшим рабочим днем, никак не может освободиться от того взгляда на труд, который нам привит капиталистическим обществом.

Вряд ли можно себе мыслить, что три-четыре рабочих часа представят собой рабочий день будущего общества. Люди будут работать столько, сколько это действительно будет необходимо и возможно с точки зрения потребностей общества и приспособленности человеческого организма. Одно можно сказать определенно: труд потеряет свою однообразность, монотонность, не будет притуплять человеческое сознание. Не будет людей, предназначенных только для умственной

работы или только для физической. Рабочий день в коммунистическом обществе, где нет эксплоатации, где человек человеку не будет волком, меньше всего будет предметом горячих споров.

Вслед за Энгельсом Маркс дал ясную формулировку того, что при известных обстоятельствах может дать для воспитания фабричная система:

«Из фабричной системы вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, при чем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей».

Буржуазные моралисты и педагоги склонны обвинять коммунистов в том, что они будут создавать людей узкими специалистами, не более знающими, как только свое производство. На это мы можем ответить, что именно буржуазное общество создает узких специалистов с ограниченным кругозором. Разве миллионам рабочих дано знать больше, нежели как приводить свои руки в движение!

Борьба за коммунистическое общество требует напряжения всех сил рабочего класса. Буржуазия не только покупает рабочую силу,—она приручает душу рабочего класса через лучше оплачиваемую ее часть. Тысячи газет, попов, учителей, ораторов, кино-театров обрабатывают сознание пролетариата в интересах буржуазии. Но на примере последних после-военных лет рабочий класс быстро и бесповоротно освобождается из-под буржуазного влияния.

На примере истории рабочего подростка мы убедились в полном бессилии буржуазии разрешить вопрос о детском труде. Дело не в законах, которые буржуазия наплодила в таком количестве, что при самом беглом чтении одной человеческой жизни не хватило бы для того, чтобы их перечитать. Разрешить проблему детского труда может только пролетариат, захвативший в свои руки власть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр

Введение 3

I. Детский труд в эпоху развития ремесла 5

Возникновение цехов.—Вступление в цех.—Законное происхождение.—Свободное происхождение.—Честное происхождение.—Другие ограничения.—Возраст.—Договоры.—Пробный срок.—Акт принятия.—Срок ученичества.—Условия работы.—Плата за обучение.—Ограничение числа учеников.—Продажа и выкуп.—Расторжение договора.—Бегство.—Разложение цехов.—Выводы.

II. Детский труд в капиталистическом обществе . . . 32

Возникновение домашней промышленности.—Распространение детского труда.—„Школа".—Спор прусских министров.—Дети в хлопчато-бумажной промышленности Англии.—Мальчики-трубочисты.—О чем спорили лорды.—В кружевной промышленности.—Размеры эксплоатации.—Возникновение машинного производства.—Первые жертвы.—Приходские ученики.—Паровой двигатель.—Положение детей.—Закон 1802 г.—„Гуманная" буржуазия.—Закон 1819 г.—Ричард Остлер.—Адвокаты буржуазии за работой.—Факты. Комиссия Сэдлера.—Закон 1833 г.—Размеры детского труда.—Смертность.—Во Франции.—Закон 1841 г.—После закона.—Хронология.—В Бельгии.—Во второй половине XIX века.—Дети и подростки.—Промысловый тунис.—Итоги буржуазного господства.

стр.

III. Детский труд в России 76

Цеховое ученичество. — Детский труд при крепостном праве. — Продажа детей. — Нравы. — Борьба против эксплоатации. — Первый закон. — Размеры детского труда. — Зарплата. — Послереформенный период. — Борьба среди фабрикантов. — Процент малолетних. — Последствия законодательного ограничения. — Октябрьская революция и детский труд.

IV. Детский труд в коммунистическом обществе 104

Цена 40 к.

1·45

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

в ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТ-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Новая пл., Б. Черкасский пер., д. 7

Магазины: Комсомольский—Неглинный проезд, д. 8

Пионерский—Тверская, д. № 37